

Элен
БЛИО

ИЗМЕНА

Я больше не твоя

Элен Блио

Измена. Я больше не твоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70131352

SelfPub; 2023

Аннотация

– Малыш... Прости. Я не хотел, чтобы ты об этом узнала. Я реально идиот.– А спать с другими ты значит хотел?***Мой муж предал меня. Растоптал чувства и уничтожил.Теперь для него я официально мертва. Он не подозревает о том, что у нас растет дочь. И не знает главного – теперь я женщина его конкурента. И если захочу – мой бывший потеряет всё...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	47
Глава 13	53
Глава 14	59
Глава 15	66
Глава 16	70
Глава 17	75
Глава 18	80
Глава 19	85
Глава 20	89
Глава 21	92
Глава 22	97
Глава 23	101

Глава 24	106
Глава 25	109
Глава 26	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Элен Блио

Измена. Я больше не твоя

Глава 1

Я сразу понимаю, что прийти сюда было ошибкой. Это не то место, где должны бывать женщины вроде меня. Тихие, милые домохозяйки, слишком правильные, чтобы оказаться здесь.

Подруга сказала, что это ресторан, но это место явно нельзя называть просто рестораном. Это... что-то другое. Тут танцуют. Тут играют.

И тут очень много мужчин.

Мне становится не по себе. Придётся рассказать о том, что я была тут, мужу. Но я не уверена, что Марк оценит мои похождения.

– Алька, что ты зажалась, давай, проходи.

– Дин, я... может, лучше домой поеду всё-таки? Гуляйте без меня.

– Здрасьте! Потолок покрасьте! Аль! Ну ты чего как не родная? Ну я раз в жизни хочу нормально отпраздновать день рождения!

Я всё понимаю, но всё равно не могу. В такие места если

и ходить, то только в компании мужа.

Но подруга настойчиво тянет меня внутрь.

– Давай-давай, не порть мне праздник! Пошли! И не переживай, у нас будет вип-комната, нас тут вообще никто не заметит. Ну, если только танцевать не захотим. А мы захотим, – она закатывается смехом, а я еще больше тушуюсь.

Как дикая. Сама себя ругаю за это, но я такая. Домашняя девочка, как любит повторять мой Марк.

Ладно, я же не делаю ничего дурного, да? Я в компании приятельниц, мы просто отметим день рождения.

– Да, у нас в планах танцы и танцоры, тебе понравится!

Танцоры? На моём лице испуг, а Дина хохочет радостно.

– Боишься, да? Не бойсь! Прорвемся! Что по домам киснуть? Мужики наши небось без нас отрываются!

Я не знаю, что делают их мужчины, но уверена, что мой не такой.

– Да пойдёте уже, Дин, оставь её, если она не хочет...

Наш скромняш считает, что это место её недостойно, да, Валентина? – это говорит Римма, она из нас самая старшая, знаю, Римма меня не очень любит, но общаться приходится, потому что я жена Златопольского.

Только она называет меня Валентиной или Вале́й, все остальные знают, что я не очень люблю это имя, мне больше нравится Аля.

– Прости, Дин, ладно, я все-таки домой поеду, хорошо?

– А-аль? Ну пли-из! Ну хоть на часик! А? Ну мне неудоб-

но, ты подарок подарила, и...

– Извини. Я закажу такси.

– Не спеши, Валюша, зайди, посмотри, это не твой Маррик там отрывается?

Тон Риммы насквозь пропитан ядом. Смотрю на неё и не понимаю: зачем она так? Почему у человека эта вечная потребность сделать другому гадость? Мне становится совсем не по себе. Зачем я вообще согласилась пойти с ними?

– Мой Марк в командировке. Всего хорошего.

– Неужели? А по-моему, это он. Ну глянь?

Наверное, до конца жизни я буду ругать себя за то, что сделала это. «Глянула». Как она и просила.

Прохожу вперед, поднимаю голову, глядя туда, куда показывает Римма.

И цепенею. Просто застываю. И, кажется, сердце перестаёт биться.

Марк, мой любимый муж, сидит на диване, с ним две блондинки. Он смотрит на одну, улыбается ей, потом наклоняется и... целует её в шею, а вторая тем временем запускает руку под его рубашку, расстегивая пуговицы.

Да, это мой Марк. Именно он. Тот, кто называл любимой и единственной, кто давал клятвы верности, говорил, что я такая одна. Это мой муж. Именно он. Сдержанный, серьёзный, педантичный, брезгливый и чрезмерно чистоплотный. Это он сейчас сидит там. С двумя полуголыми девицами.

Меня накрывает. Голова кружится, перед глазами туман.

Мне надо уйти. Немедленно. Уйти, и потом спокойно подумать, что делать. Наверное, это правильно. Увы... Римма так не считает.

Она хватает меня за руку, вытаскивает вперед к танцполу, туда, где меня точно может увидеть муж, машет ему и орет:

– Златопольский! Ау! Ты никого не забыл?

Я в ступоре, просто не думаю о том, что могла бы вырваться и сбежать. Всё это длится считанные секунды.

Можно было бы надеяться на то, что в грохоте музыки Марк не услышит её, но одна из его спутниц замечает, как Римма размахивает руками. Толкает Марка в бок и кивает, указывая на нас.

Я всё еще не верю до конца. Может, Римма все-таки ошиблась? Может, и я ошибаюсь?

Нет. Сердце замирает, превращаясь в кусок льда. Этот мужчина на диване, который только что ласкал других женщин – мой муж, мой Марк, единственный, любимый...

Тот Марк, которому я собиралась сказать о том, что жду ребёнка.

Глава 2

Отгалкиваю Римму, бегу к гардеробу, лихорадочно ищу в сумке номерок. Не замечаю ничего вокруг.

– Аля... я... блин... какая-то хрень. Ты извини...

Голос Дины кажется таким чужим, странным. Что ей ответить? Я и сама не знала, что встречу тут мужа.

Мне выдают мою шубку, но внезапно знакомая мужская рука ложится на золотистый мех.

– Я помогу.

Меня трясёт, я не знаю, что теперь будет. Не знаю, как посмотреть ему в лицо. Это он меня обманывает, а кажется, что во всем виновата именно я!

– Ты что тут делаешь? – он на самом деле спросил? Голос жесткий, как сталь. Он никогда так со мной не разговаривал. С другими людьми – да. Даже с собственной матерью. Со мной – нет.

Беспомощно поднимаю голову, чувствую, как из глаз вот-вот покатятся слезы.

Его взгляд суровый, такой чужой. Непроницаемый. Я словно язык проглотила, не знаю, что ответить. Стыдно сказать, но я до сих пор немного боюсь его. Мы ведь женаты всего полгода, знакомы почти год.

Да, он мой муж, и он меня любит, но...

Любит. Я думала, что любит, а оказывается...

– Одевайся, домой поедem.

– Я... я могу сама... тебя ждут, – выпаливаю, не подумав, а он усмеxается.

– Предлагаешь мне остаться и закончить тут? Хорошая жена.

Слезы катятся по щекам.

– Успокойся, малыш, это недоразумение. Поехали домой.

Его мягкий тон, нежность, которая появляется в глазах, теплые руки, помогающие надеть шубку.

– Спалился, Златопольский? Что, вип-комнату западло было взять, да? – Римма появляется как чёрт из табакерки, на её лице такая неподдельная радость, что меня мутит. – Или тебе по кайфу, чтобы вся Москва знала, что ты при живой жене всё что движется имеешь?

– Рот закрыла! – он поворачивается, и у меня ощущение, что он сейчас ударит её.

– Ой, боюсь-боюсь! Ладно, я рада, что удалось твоей овце малолетней глаза открыть на твои похождения. Хотя я уверена, она поймет-простит. А ты продолжишь залезать на всех подряд.

С трудом понимаю, о чём она, но всё-таки до меня доходит. Меня специально сюда привезли. Они знали, что тут будет Марк, что он будет не один. Зачем они это сделали? Я же считала их подругами.

– Пошла вон, шалава, – рычит на Римму Марк, но она не понимает.

– Извини, Валюха, ничего личного. Хотелось тебе, дуре, глаза раскрыть. Надоело слышать – «мой Марик меня любит, мой Марик самый лучший» – шлюхан твой Марик, каких мало. Ты бы к доктору ходила, как бы заразу не принёс! Кстати, у него и со мной было: и до вашей свадьбы, и после.

Почему-то эта фраза меня добивает, я сгибаюсь пополам, и меня рвет прямо на мраморный пол холла...

Глава 3

– Успокоилась? – он умывает меня ледяной водой. Тушь потекла. Я выгляжу ужасно жалкой. Смотрю в отражение и не знаю: что дальше?

Все сломалось вот так. В один момент.

Зачем я сюда приехала?

Я бы жила дальше в счастливом мире, полном розовых пони.

Любящий муж, который сдувает с меня пылинки, бережёт. Мечтает о том, что я рожу ему дочку, такую же красивую, как я...

Если я такая красивая, то почему он там, с этими двумя? Зачем?

– Возьми полотенце. Так, давай я сам, – он видит мою беспомощность.

Вытирает меня, как маленькую. Внезапно я понимаю: он, как и я, в шоке. И он не знает, как себя вести со мной.

Он, Марк Златопольский, мегауспешный бизнесмен, богатый, умный, не знает, что делать!

И я не знаю.

Мы оба растеряны. Нас обоих подставили. И нам обоим тяжело.

Только вот меня предали, уничтожили мою веру в чувства.

А он сам стал предателем, лгуном.

– Поехали домой.

Я послушно иду за ним. С ужасом представляя, что сейчас мы выйдем, а в коридоре стоят Римма, Дина, другие, его блондинки. Свидетели моего позора.

Мне стыдно. Да-да! Мне стыдно! Я жена, которой изменяют! Я дурочка, овца – Римма правильно сказала, – которая верила своему мужу.

К счастью, в коридоре никого нет. А может, это Марк позаботился о том, чтобы всех убрали с нашего пути. Он кому-то писал, я видела.

Внедорожник Марка стоит у входа. Водитель открывает дверь.

Марк помогает мне сесть, сам тоже устраивается сзади. Обнимает меня.

Я цепенею. Его прикосновения впервые за все время мне не нравятся. Не хочу его рук на своем теле. Но и убрать не могу.

Я... я боюсь его.

С ужасом понимаю, что ведь я, наверное, совсем не знаю его?

У меня ведь даже в мыслях не было, что Марк может... с кем-то другим.

– Пить хочешь?

Что? Он спрашивает, хочу ли я пить? Серьёзно?

Я смотрю, не понимая, это нормально, да? Уничтожить

человека и спрашивать, не испытывает ли он жажду?

– Воду будешь, Аль?

Вздрагиваю, судорожно всхлипываю, пытаюсь дышать.

– Тише, тише, малышка...

Как он может так называть меня после всего?

Закрываю глаза. Господи, можно всё это будет просто сон?

Я действительно сплю. Просыпаюсь от того, что Марк пытается вытащить меня из машины.

– Я сама.

– Успокойся, я тебя отнесу.

– Не надо.

– Аля, я сказал: успокойся!

Я подчиняюсь, позволяю взять себя на руки. Даже держусь за его плечи, понимая, что так будет проще. Ему. Нести меня. Я не такая уж худенькая. Не тощая, как модели-селетки или те дамочки, которые были с ним. И не как Дина и Римма, которые постоянно хвастаются, что могут влезть даже в нулевой американский. Это как пропуск в мир изящества. Мне его никогда не получить. А из-за беременности меня вообще, наверное, жестоко разнесет.

Дом открывает охранник и сразу уходит.

Марк сажает меня на банкетку в холле. Опускается передо мной на колени, снимает ботильоны. Неожиданно утыкается в мои колени, втягивает носом запах, сжимает бедра.

– Малыш... прости меня. Я... я не хотел, чтобы ты узнала.

Я реально идиот.

Не хотел, чтобы я узнала? А... а спать с другими женщинами – хотел?

– Аля, правда, прости.

– Зачем? – меня хватает только на то, чтобы выдать из себя одно слово.

Зачем?

Глава 4

Марк поднимает лицо, смотрит внимательно.

– Пойдем спать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра. Спать? Он... он собирается со мной спать?

Видимо, на моем лице такой ужас, что он отводит взгляд.

Потом ухмыляется.

– Если хочешь, я лягу в гостевой. Только честно ли это, малыш? Я ведь и раньше это делал, а потом приходил к тебе. Просто тогда ты не знала. Так что, считай, ничего не изменилось.

Ничего не изменилось? Он серьезно? Я смотрю на него, понимая, что, наверное, взгляд у меня как у подстреленной лани. Марк иногда говорил так...

– Прости, – голос глухой. – Я буду в гостевой.

Он уходит.

Я поднимаюсь в спальню. Сажусь на кровать. Машинально стягиваю платье. Чулки. Мне срочно нужно в душ. Необходимо.

Залезаю в кабинку, включаю воду, горячую настолько, чтобы вытерпеть, хватаю мочалку, гель и начинаю тереть себя. Сначала спокойно, потом сильнее, еще сильнее. Словно так можно стереть грязь, в которую превратили мою жизнь.

Остервенело деру кожу, не осознавая, что местами реально царапаю жесткой мочалкой чуть не до крови, реву, захле-

бываюсь слезами. Перед глазами то, что увидела там.

Марк, развалившийся на диване, целующий блондинку в шею. Его губы, которые я так любила, на коже другой женщины! Его тело трогала другая.

Какая мерзость, грязь, фальшь...

Не сразу понимаю, что происходит, створки кабины распахиваются, чувствую руки Марка. Он ругается, чертыхается, хватая душ, делая воду ледяной, обливает меня. Я ору как потерпевшая.

Муж вытаскивает меня из-под воды, ставит на ковер, оборачивает полотенцем. Берет на руки, несет в спальню.

Садится на кровать, держит меня, как ребенка, укачивая.

– Тише, маленькая, тише... все хорошо, всё будет хорошо, моя любимая девочка, родная...

Что он говорит? Как он может вот так говорить?

Мне так больно. Я как сломанная вещь. Бабочка, с крыльев которой безжалостно стёрли пыльцу...

– Аля... Посмотри на меня, – голос глухой, какой-то... больной, запутавшийся, потерянный.

Что он испытывает? Зачем так поступил? Чего ему не хватало?

Не хочу смотреть, не могу...

– Аля, посмотри. Посмотри!

Он рывком поднимает к себе моё лицо. Мгновение, и его губы обрушиваются на мои...

Глава 5

От неожиданности я приоткрываю рот, впуская его. Только потом понимая, что он вот этими губами... а теперь меня.

Ужасно. Противно. Мерзко.

Верчу головой, отбрыкиваюсь, пытаюсь увернуться, но он не даёт. Держит крепко. Он сильный мужчина. Высокий, крепкий. Не позволяет себе расслабиться, постоянно ходит в зал. Вообще очень следит за собой. С юности. Рассказывал, что был прыщавым страшненьким юнцом, которого красивая девочка отшила, сказав, что с таким уродом общаться не станет. Это стало стимулом. Не знаю, почему я сейчас об этом думаю, совсем не время. Наверное, просто мозг пытается отвлечься, чтобы не сойти с ума.

Не могу дышать, мычу, стучу кулачками по его груди, пытаюсь отпихнуть.

Отрывается на мгновение, чтобы вздохнуть, я отворачиваюсь.

– Не надо, пожалуйста.

– Нет, дорогая, как раз надо. Надо.

Марк опрокидывает меня на кровать, и мне становится страшно. Он же не собирается? Нет!

Он не должен! Только не так, не после того, как я...

Вырываюсь, отбиваюсь, пытаюсь защитить свое, последнее, то, что еще, наверное, осталось. Достоинство.

– Марк, пожалуйста...

– Тише, успокойся, прекрати.

– Марк... не надо... ну пожалуйста!

Шепчу, реву, трясусь в судорожной дрожи утопая. Голова кружится. Боюсь отключиться. Если он сделает это со мной сейчас, как я буду жить потом? Как?

– Девочка моя, сладкая, нежная, тише, всё хорошо... всё будет хорошо.

Он целует меня, стягивая полотенце, и я уже понимаю, что проиграла. Ничего я не сделаю. Я могу сопротивляться, но это бесполезно.

Он всё равно возьмёт своё. Возьмёт то, что не получил там, в ресторане...

Но это не значит, что я согласна, что я готова.

– Марк, не делай этого, прошу тебя. Очень прошу. Пожалуйста. Не сейчас. Не так... – шепчу, повторяя как молитву.

Услышь меня, любимый, пожалуйста! Ты и так сделал мне больно, очень больно! Пожалуйста, не надо делать еще хуже. Я не смогу тебя простить потом, не смогу.

Бесполезно. Слезы катятся по щекам. Острая боль прорезает всё тело. Она не физическая, нет. Физически мне не больно. Мне... мне никак. Я ничего не чувствую. Эмоционально я просто убита.

Тихо плачу. Плачу все то время, пока мой муж делает это. И как жить дальше?

Не знаю, как долго это продолжается. Мне так плохо, что

я просто проваливаюсь в небытие. Не думаю. Глаза закрыты. В губы он меня больше не целует. Его жадный рот на моей шее. Делает то же, что делал там, с блондинкой.

Тошно. Мутит. Кажется, снова вырвет. А может быть, и нет. Кажется, я уже совсем отупела от боли, которая давит сердце.

– Аля... посмотри на меня.

Смотрю. Не вижу. Не вижу того Марка, с которым познакомилась когда-то, которого полюбила. Совсем чужой, страшный мужчина сейчас со мной.

– Аля, мы поговорим утром, слышишь? Ты... – он явно хочет еще что-то сказать, но просто тяжело вздыхает. – Спи.

Спать? Как после этого спать?

Он встает, идёт в душ. Я тоже встаю. У меня своя ванная комната. Снова иду туда. Смываю с себя следы его проникновения и с ужасом замечаю кровь...

Нет! Не может быть! Я... я жду ребенка! Я не могу...

Закрываю рот ладошкой и реву беззвучно.

Как неожиданно и страшно может рухнуть вся жизнь.

Глава 6

Мне казалось, я не усну. Или просто закрою глаза и умру.

Но я проваливаюсь в сон, да еще и со сновидениями. Мне снится наша свадьба.

Я в роскошном платье, испуганная, потому что неожиданно узнала, сколько оно стоит, и мне страшно.

Мой жених, который смотрит на меня так, словно я самая желанная конфетка, которую он вот-вот стащит с полки.

У нас с Марком ничего не было до первой брачной ночи, и это тоже пугало.

Я не знала, чего ждать. Ну... почти, не совсем же я дикая.

Сон сменяется. Я в клинике, он со мной. У меня на руках крошечная девочка, а Марк плачет. Серьезно! Невозмутимый Златопольский. Робот Марк, как называет его лучший друг Адам Агдамов. И плачет!

А потом я просыпаюсь и понимаю, что уже утро. Кладу руку на живот.

Я все еще беременна или уже нет? И что в моем положении лучше?

Мне не хочется подниматься с постели. Но, наверное, надо.

И еще надо собирать вещи. Тут я точно не останусь. И с Марком не останусь. Мне нужен развод. Голова кружится, подташнивает.

Умываюсь машинально, в душ не хочется, уже была вчера, два раза. Теперь эта душевая кабина вызывает не лучшие ассоциации. Заставляю себя все-таки залезть, крови вроде бы нет, но все равно страшно.

Надеваю джинсы, толстовку – откопала на дне шкафа свои старые вещи. Носила еще тогда, когда была простой студенткой и даже не невестой золотого магната Марка Златопольского.

Надо спуститься вниз, в столовую, хотя бы выпить воды. Но я боюсь. Боюсь столкнуться с мужем, с нашей экономкой или горничными. Они, конечно, стараются держаться так, чтобы их не замечали. Но, скорее, когда дома муж. Когда его нет и дома я одна, мне кажется, им по барабану, мешают они мне или нет. Знают, что жаловаться я не буду.

Собственно, почему я должна кого-то бояться? Пока ведь я здесь хозяйка? Или, скорее, наоборот. Я уже тут не хозяйка, поэтому мне фиолетово.

В столовой никого. Странно. Марк же сказал, что мы поговорим? На телефон тут же приходит сообщение.

От него.

Раньше я думала, что миллиардеры мессенджерами не пользуются или у них есть свои каналы связи. Может, и есть, но за полгода брака я так о них и не узнала. Он пишет мне в обычном приложении, которое есть у каждого.

«Доброе утро. Я знаю, что ты проснулась. У меня несколько встреч, которые я не смог отменить. Буду поздно».

Что? Он... он серьёзно?

В ступоре смотрю в телефон. Читаю еще раз. И еще.

После того, что было вчера, он считает, что может отправлять мне подобные сообщения?

Я падаю на стул, опускаю руки. Как так-то?

Неужели он настолько бесчувственный, эмоционально нищий, что не понимает, что сделал вчера?

Или... ему всё равно?

Неужели Марк на полном серьёзе думает, что после вчерашнего я просто отряхнусь и буду жить с ним дальше?

Главное, что я и сама чувствую себя эмоционально опустошенной. Я должна рвать и метать, крушить все в ярости, закатить истерику, скандал...

А вместо этого я сижу на краешке стула, как бедная родственница, и боюсь сделать лишний шаг.

Правы мои так называемые приятельницы. Я просто овца...

Или все-таки нет?

Глава 7

Закрываю глаза. Закрываю лицо руками. Хочется спрятаться от всего мира.

И в голове набатом – за что? За что?

Он ведь сам мне говорил, что я необыкновенная, что я не похожа на других, что я его чудо неземное, что он и не мечтал встретить в Москве, в двадцать первом веке такую чистую, невинную девочку!

Зачем же он вот так втоптал меня в грязь?

Он мне изменил, да, возможно, не именно вчера, но раньше – точно! Сам подтвердил своими словами. И то, что ляпнула эта гадкая Римма – он же не сказал ничего в своё оправдание? Значит, было?

Мерзость.

А еще... он меня... вчера он взял меня силой, я не хотела ничего. Я просила оставить меня – он не послушал. А потом встал и ушёл, мало того, после вернулся и лег рядом как ни в чём не бывало.

И теперь вот – «я на встрече, буду поздно»?

– Валентина Ивановна, завтрак подавать?

Я подскакиваю от неожиданности, смотрю на экономку, Юлию Сергеевну, растерянно.

О чем она? Какой завтрак?

Господи... неужели для кого-то продолжается обычная

жизнь?

Понимаю, что щеки покрываются пятнами. Я обычно не так стремительно краснею, но тут...

Знает ли экономка о том, что произошло вчера? О том, что мой муж мне не верен, о том, что я такая глупая, даже не подозревала о его двуличии?

– Вам нужно поест, вы очень бледная... и Марк Аркадьевич попросил за вами последить.

– В каком смысле? – выпаливаю, не успевая подумать.

Она удивленно поднимает бровь.

– Последить, чтобы вы поели, конечно. Ваша любимая пшенная каша с раковыми шейками по рецепту из «Живаго», сырники безглютеновые, если хотите, могу заказать повару блинчики.

Он просил следить. Просто так? Или сказал: «Вчера моя жена поймала меня на измене и может вести себя неадекватно?»

А я могу? Или...

Я же скромная, милая, послушная Аля.

Овца...

Внезапно ненависть так захлестывает, что становится страшно.

Я не овца! Я еще докажу ему, всем им докажу! Никакая я не овца!

– Не надо блинчиков. Кашу. Кофе. Кофе я приготовлю сама.

– Валентина Ива...

– Я сказала – сама!

Она явно не ожидает от меня резкости.

Встаю, иду на кухню.

Кухня в этом доме, как в ресторане – огромная. И работает на ней настоящий повар.

Когда-то я мечтала, что буду сама готовить любимому завтрак, вставать пораньше, бежать на скромную кухоньку, печь оладушки, или варить кашу, или готовить настоящий континентальный завтрак, как в отелях – с прожаренным вкусно пахнущим беконом, глазуньей, свежими овощами, фасолью и сосисками...

Марк перед свадьбой так загадочно улыбался, когда я рассказывала о своих мечтах. О том, как принесу ему кофе в постель. Или он принесет его мне.

А потом, после свадебного путешествия мы переехали в этот дом, и я поняла, что на кухню меня просто не пустят...

Повар и помощница смотрят на меня изумленно.

– Вали-ентина... – шеф у нас настоящий француз, готовит божественно. Но иногда так хочется обычного борща...

– Я хочу приготовить себе кофе. Сама.

Не обращаю внимания на их изумленные физиономии. Включаю чайник.

– Где кофе? Зерна? Кофемолка?

– Кофемолки... нет... кофемашина сама всё делает.

– Мрак. В доме нет кофемолки, – я вроде бы не нарочно

так говорю, но вижу их напряженные лица, они переглядываются.

– Извините, минуту...

Помощница повара достает откуда-то довольно старую кофемолку, потом пакет с зернами. Этот кофе с плантации моего мужа. Да-да, у него есть своя кофейная плантация.

Чёртов буржуй.

Понимаю, что меня опять накрывает.

Я его ненавижу!

Вот сейчас, в эту секунду! Люто ненавижу и никогда не прощу!

Глава 8

Засыпаю зерна в кофемолку. Ненавижу!

Две минуты визга и хруста. Ненавижу!

Его бы так перемолоть!

Ненавижу, ненавижу, нена...

Боже, дай мне сил.

Ищу чашку. Не маленькую, изящную, фарфоровую, в которой нам подают кофе горничные. Нет. Хочу большую, огромную кружку!

Вижу такую на одной из полок.

– Это чья?

– Моя, – говорит помощница и тут же осекается, – то есть... берите, конечно.

– Нет, спасибо. Больше таких больших нет?

– Есть, новые, целый набор. Принести?

– Да, пожалуйста, – вежливость никто не отменял. Хотя, наверное, все эти люди, как и все друзья моего мужа, уверены, что он нашел меня на помойке.

Ага, всех бы на такой помойке находили! Моя бабушка, между прочим, писатель, автор детективов, а еще сценарист-документалист. Папа был переводчиком, мама лингвистом. Родителей уже нет, бабуля, к счастью, жива-здоровая.

Помощница – я ведь даже не знаю, как её зовут! – ставит передо мной кружку, которую достала с дальней полки и са-

ма сполоснула в раковине.

Две ложки с горкой. Кипяток прямо из чайника. Кофе польски, так называет его бабуля.

Мой самый любимый кофе. Чуть разбавляю холодной водой из фильтра.

Беру чашку и иду в столовую. Интересно, они расскажут об этом Марку?

Да, собственно, мне уже плевать. Ведь да? Плевать же?

Сердце гулко ухает. Щемит.

Больно очень.

Когда на самом деле любишь, потом очень больно.

– Валентина Ивановна, ваш завтрак, пожалуйста. Что-то еще нужно?

Собственно, да. Мне не улыбается сидеть тут, в столовой. Не хочу.

– Поднос дайте, пожалуйста.

– Поднос? Вы хотите, чтобы я куда-то отнесла...

– Я хочу отнести сама. Можно мне поднос?

Она растеряна.

Конечно, ведь она еще не знает, какой у меня статус. Я все еще любимая жена, за которую Марк глотку порвет, или я брошенка, о которую он будет вытирать ноги, поэтому и прислуге со мной не стоит считаться.

Хм. Вытирать ноги... Пусть только попробует!

Беру поднос из рук экономки, ставлю тарелку с кашей, сырники, кружку кофе. Иду в спальню.

Да, красиво будет мне сейчас навернуться и вылить чёрный кофе на белоснежный ковер, которым накрыта лестница...

Но мне везет. Я дохожу до нужной комнаты без проблем. Ставлю поднос на пол, открываю дверь, захожу, закрываю за собой.

Отношу свой завтрак на подоконник – они тут огромные, я люблю на них сидеть, и Марк даже разрешил мне оборудовать один, когда я сказала, что хочу ждать его, каждый день сидя у окна.

Боже, неужели я была такой голубой дурой? Наивной до тошноты?

Может...

Может, поэтому он и пошёл налево? За острыми ощущениями? Потому что со мной ему было пресно? Скучно, однообразно...

Конечно скучно. Ничего не умеющая в постели наивная влюблённая девчонка. Готовая отдать ему все и сразу. В глаза заглядывающая, и в рот...

Господи, Аля... Что же ты сама с собой-то сотворила! Ты позволила превратить себя вот в это существо!

Нет, Марк, конечно, та ещё сво... Но я! Я сама-то чем думала? И как? Да, я, конечно, мало что знающая, наивная, невинная девчонка. Но не до такой же степени!

Глотаю обжигающий кофе, частички которого застревают в зубах. Есть не хочется. Совсем.

И тут я вспоминаю о ребёнке, которого, возможно, еще жду.

Ребёнок. Малыш. Мой малыш! Или малышка... да-да, маленькая принцесса, о которой я мечтала!

Стоп. Можно ли мне пить кофе, если я беременна? А голодать? Это точно нельзя! Я должна хорошо и правильно питаться!

Так...

Холодный пот прошибает. Ребёнок.

Если я собралась уйти от мужа, то мне надо скрыть от него беременность. Если он узнает о ней, то...

Если он узнает, он меня никуда не отпустит. Или заставит отдать ему малышку. Разве я смогу?

И что делать?

Мысль о том, чтобы избавиться от ребёнка, просто убивает. Этого я точно не буду делать! Ребёнок мой и только мой! А муж...

Мужей у меня может быть сколько угодно! И плевать, что Златопольский магнат, один из самых богатых людей страны. Плевать.

Я справлюсь. Я смогу!

Я не овца!

Глава 9

Заталкиваю в себя кашу. Вкусно, но вкуса я сейчас не чувствую от слова совсем.

Что делать? Что?

Да просто взять и уйти!

Вот так просто, собрать вещи... Хотя что мне собирать? Дорогой шмот, которым меня муж задаривал, я брать точно не буду. Все эти вещи я принимала только потому, что боялась не соответствовать. Понимала, что по статусу жены Марка Златопольского я обязана носить все эти брендовые, очень дорогие, привезенные из Парижа и Милана или сшитые на заказ вещи.

Да, что-то из этих вещей мне очень нравилось. Многое я выбирала сама, по своему вкусу. Когда Марк понял, что у меня со вкусом все в порядке – стал мне доверять.

Только вот все это хорошо тут. В этой жизни. В жизни элитного общества.

Когда я от мужа уйду, мне все это даже носить будет некуда.

Драгоценности? О да, что-то, а золото и бриллианты муж выбирать и дарить умеет. Даром, что ли, он такую фамилию носит?

Вот только опять же это все носится среди определенного круга. Вряд ли обычные люди оценят элитные украшения.

Взять, чтобы продать? Нет уж.

Я выходила замуж не за деньги, не за статус.

Я действительно полюбила Марка.

А не вот это вот всё.

Я не бесребреница, нет, но и не меркантильная сучка. Я пришла в этот дом с пустыми руками и так же уйду.

Пусть подавится. Брачный контракт мы подписывали, и я знаю, что мне в принципе даже что-то светит. Но... Пусть подавится. Пусть отдаст на благотворительность.

Или на шлюх потратит. Пофигу.

Благо мне есть куда уходить! Бабушка!

Надо было, конечно, ей позвонить, но я не хотела, чтобы она волновалась, лучше расскажу при встрече. Просто сообщу, что приеду в гости.

Собираюсь быстро – собственно, мне ведь действительно нечего брать!

Осталась в тех же джинсах и толстовке. Жаль, что сумки нормальной нет, но ту, которую возьму – любимый бренд всех гламурных девочек, с ценником в сотню-другую средних зарплат по стране – потом верну.

Шубу тоже верну, но больше мне просто не в чем выйти.

Стою на пороге, доставая удобные угги, которые купила, чтобы гулять во дворе, и слышу шаги.

– Валентина Ивановна, вы далеко?

Так, интересно, что за странный вопрос? Юлия Сергеевна старается держать лицо, но вижу – нервничает.

– А что? Я хочу погулять.

– Марк Аркадьевич просил не выпускать вас с территории.

– В смысле? – сердце начинает колотиться с удвоенной скоростью.

То есть он меня под домашний арест посадил? Или... как?

– Если вы хотите погулять вокруг дома, то всё в порядке, а если собираетесь выехать, то... лучше этого не делать.

Охрана вас все равно не выпустит.

Эта информация просто добивает.

То есть я теперь еще и его пленница?

Достаю телефон, который хочется разбить об стену, потому что там горит только что доставленное сообщение.

«Любимая, не нужно никуда убегать, я вернусь вечером, и мы поговорим».

Я не выдерживаю, меня начинает колотить, истерика подкатывает. То есть он на полном серьёзе меня будет держать?

Набираю его номер. Не отвечает. Летит сообщение-бот – извините, сейчас я не могу и бла-бла-бла...

Чёрт, чёрт!

Хочется выругаться смачно, но Юлия стоит и смотрит. Бросаю в неё взгляд, полный ненависти, хотя она точно ни в чем не виновата.

– Я погуляю к вольерам. Это можно?

– Да, с этим нет проблем. Только оденьтесь потеплее, там морозно. К Новому году обещают потепление, но пока...

Да, Новый год. Я совсем забыла. Еще несколько дней – и будет праздник.

Праздник, которого я так ждала. Хотела подарить любимому самый главный подарок – сообщить о ребёнке...

Выхожу, хлопнув дверью.

Слезы тут же стынут на морозе.

Что делать? Я не могу и не хочу оставаться тут! Как мне быть?

Глава 10

Я решительно иду к вольерам с собаками.

Овчарки, алабаи, доберманы и хаски. Огромные, сильные, красивые.

Одни сторожат дом, другие просто нравятся хозяину. Марк познакомил меня с собаками сразу, сказал, что они должны знать и помнить хозяйку. Мы любили приходить сюда вместе, играть с хаски и с алабаями – у них как раз появились щенки.

Мы любили... сейчас я думаю: насколько Марк был искренен со мной? Что в нашей жизни вообще было правдой? Где он не лгал?

Снова слезы застилают глаза. Если он обманывал, когда мы были вместе, когда он целовал, повторял, как ему хорошо со мной...

Да что я за дурочка такая! Конечно, именно тогда он и лгал!

Если бы говорил правду, то не стал бы... заниматься этим с другими!

Зачем он вообще женился на мне?

Вспоминаю, как рассказала о нашем знакомстве бабушке, она покачала головой.

– Девочка моя, такой мужчина... Надо быть осторожной.

– Ты считаешь, что мне не стоит с ним общаться?

– Я считаю, что стоит быть осторожной.

Я старалась, правда, очень старалась! Но...

Мне, обыкновенной девушке, студентке, непросто было устоять.

Да, в то время Марк был... как это модно говорить – плейбоем. Завидный холостяк. Молодой, богатый, свободный. Я как-то даже читала о нём в модном журнале. Мне потом рассказывали – та же Дина, – что за ним просто охота шла. Реальная охота. Молодые девицы вставали в очередь. Модели, начинающие актрисы, разные... модные блогерши, певицы, просто красивые девушки из состоятельных семейств.

А он выбрал меня.

Мы познакомились случайно. Я попала под сильный ливень, спряталась под козырьком дорогого модного ресторана. Девушка, работавшая там – я потом узнала, что их называют хостес, – пыталась меня прогнать. А Марк как раз выходил из этого заведения, увидел меня...

Мне было всего девятнадцать. Только окончила первый курс. Промокшая насквозь, так, что сарафан прилип к телу, я чувствовала себя голой. Я думала, что выгляжу ужасно. Марк набросил на меня свой пиджак.

– Не нужно, я его испорчу, я вся мокрая.

– Мокрая везде?

– Да... – я даже не поняла тогда, о чем он спросил... глупышка.

– Чёрт... как интересно. – Он смотрел так... горячо! Я

смугилась, покраснела...

– Спасибо, но мне надо идти...

– Ты замерзла, тебя нужно согреть. Пойдем со мной.

Он завел меня в ресторан. Потребовал отдельную комнату. О чем-то переговорил с управляющим, и через несколько минут мне принесли пакет с сухой чистой одеждой.

– Переоденься.

– Спасибо, не нужно, сарафан почти высох.

– Переоденься, заболеешь.

Он сказал это и встал, скрестив руки. Я опять залилась краской до ушей.

– Вы... так и будете смотреть?

– А ты на это рассчитываешь?

– Я? – я даже не догадывалась, что он имеет в виду.

Сейчас только понимаю, насколько была наивной. Нет, конечно, он потом всё объяснил, извинился передо мной.

Меня снова тошнит. Не из-за беременности, нет. Из-за собственной глупости.

Я должна что-то делать. Но что?

Если Марк посадил меня под домашний арест, как я могу уйти?

Бабушка! Я должна позвонить ей, но... Но я не могу рассказать ей обо всем по телефону. Как мне быть?

– Алло, бабуля, привет, – стараюсь говорить спокойно.

– Что-то случилось, детка? – она всё равно чувствует.

– Всё хорошо. Мне... просто мне нужна помощь, род-

ная...

Глава 11

Семь вечера. Я жду.

Сердце то останавливается, то несётся, словно бурный поток с горы.

Не знаю, что будет со мной, когда я его увижу. Просто не знаю.

Мне надо сдержаться. Надо постараться. Если я хочу сохранить себя. Если я хочу выжить.

Нет, конечно, ничего такого он мне не сделает. Наверное. Я надеюсь. Я все-таки хоть немного успела его узнать.

Хотя в свете того, что реально узнала вчера – над моими знаниями только посмеяться, да?

Он был таким влюбленным! Внимательным! Нежным!

Я ведь и подумать не могла!

Дура...

Господи, какая же я дура!

Стоп, хватит, Аля. Хватит себя винить, ругать, хватит волосы рвать на голове. Если хочешь нормально выбраться из всего этого – надо успокоиться.

Успокоиться, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Врага. Да, сейчас я воспринимаю его именно так. И мне очень больно. Просто дико.

Болит. Жилы выкручивает.

Я его так любила, а он...

Восемь вечера. Сажу в гостиной на диване, поджав ноги, пялюсь в камин. Он не горит. Пустой камин – черная дыра.

В моей груди сейчас вот такая же дыра. Размером с солнечную систему...

Домработница сообщает, что готова подавать ужин.

Кому? Мне?

Телефон оживает. Опять сообщение. Он что, боится мне позвонить?

«Дорогая, я буду позже, ужинай без меня».

Ненавижу!

Стоп... Спокойно.

Выдержка. Вот что мне нужно сейчас. Поэтому улыбаемся и машем!

Нет, улыбаться не очень получается. Просто говорю:

– Накрывайте. Только для меня.

– Хорошо.

Иду в столовую. На мне все те же джинсы, толстовка. Наверное, надо было переодеться, но я не могу себя заставить надеть вещи, которые висят в шкафу. Они чужие.

В столовой на стене огромная плазма. Мы никогда не смотрим телевизор. Очень редко – какие-то фильмы. Чаще всего Марк включает плейлист, и мы наслаждаемся видами океана, белоснежных песчаных пляжей, или просторов Антарктики, или Альпами.

Беру пульт, переключаю каналы. Случайно натыкаюсь на новости – показывают кадры с экономического форума, и я

вижу своего мужа.

Марк Аркадьевич Златопольский.

Он серьёзен, собран, в строгом костюме. Что он говорит, не слышно – дикторский голос перекрывает, но явно что-то очень важное, значительное. Его слушают такие же строгие бизнесмены, хозяева жизни.

У меня дрожат губы. Он такой... красивый!

Еще вчера я обязательно посмотрела бы, нашла в интернете всю информацию, гордилась бы Марком. Вечером с восторгом делилась бы своими впечатлениями – какой он молодец, как я его люблю...

Быстро заталкиваю в себя салат.

А вот при виде рыбы меня чуть не выворачивает. Чёрт. Это ужасно. Я знала, что беременные иногда вот так реагируют на рыбу, но была уверена, что со мной этого не будет. И что делать?

– Кроме рыбы ничего нет?

– Есть... стейк и медальоны из телятины с соусом.

– Медальоны.

– А чем нехороша рыба?

Смотрю на экономку удивленно.

– Я должна отчитываться, почему не хочу рыбу?

Вижу её замешательство.

– Извините, я... мне нужно дать рекомендации повару, вот и все. Возможно, он не будет больше брать форель у этого поставщика.

– Пусть не берет. И вообще. Ненавижу рыбу.

– Но...

– Что? – выгибаю бровь, думая о том, что бабушка не зря таскала меня по театральным студиям.

– Вы любили рыбу...

– Я обманывала. Я люблю мясо. И курицу.

– Хорошо, я распоряжусь, чтобы рыбу не готовили. Хозяин... Марк Аркадьевич её тоже не очень любит.

– Вот и прекрасно.

Неужели прокатило? Ах-ах!

Медальоны ем с особенным наслаждением. И вообще, кажется, я даже готова говорить с мужем.

Я скажу ему, что мне нужен развод! Скажу! Я не согласна принимать его после всяких... Достаточно того, что он сотворил вчера.

Стоп, главное не плакать! И не винить себя в том, что не смогла дать отпор. Это было ужасно, но разве я могла что-то сделать?

Когда говорят, что женщины могут сопротивляться, хочется предложить попробовать. Попробовать, когда на тебе туша под девяносто килограмм, одни мышцы, стальные, крепкие, сильные...

Девять вечера.

Опять сижу в гостинной. Моя решимость тает с каждой минутой.

Десять...

Раньше он тоже часто приходил домой поздно. В десять, одиннадцать.

Я слышала: «Милая, я дома!» – и срывалась с места, спешила к нему в объятия.

Пытаюсь вспомнить, выглядел ли он как-то... не так? Пахло ли от него женскими духами? Были ли следы помады? Или еще что-то подобное?

Мне кажется, даже если бы это и было – я бы не заметила. Господи...

Одиннадцать.

Марк заходит бесшумно, тихо. Но я его чувствую. Просто уровень адреналина зашкаливает сразу. И по нервам разряды.

И сердце, оно пропускает удары. Тормозит.

– Аля...

От его голоса непроизвольно – слезы. Пытаюсь удержать. Не выходит. Не киснуть! Не расслабляться! Нет!

– Аля... – голос глухой, низкий, вибрирует, заставляя мое тело дрожать.

Он подходит ближе, встает передо мной. В руках огромный чертов букет роз.

И слезы Ниагарским водопадом.

Зачем. Он. Принес. Розы!

Господи, неужели Марк не понимает?

– Аля...

– Мне нужен развод, – шепчу. Еле-еле двигаю губами.

– Что?

– Мне нужен развод, – стараюсь твёрже.

– Аленький...

Срабатывает как спусковой крючок. Лавина боли накатывает стремительно. Мне кажется, она меня размалывает, как гигантская мясорубка. Я в личном аду. Смотрю в глаза любимого, такие родные! Раньше мне казалось, что они освещают для меня все вокруг! Весь мир. И его улыбка, наглая, открытая улыбка, которую он дарил только мне! Всегда только мне! И смотрел только на меня! И говорил, что я самая-самая! Самая красивая, самая восхитительная, манкая, желанная, любимая...

– Аленький...

Ненавижу. Как же мне больно! И как же... как же хочется, чтобы не было этого вчера! Просто не было... Нет, не чтобы я не знала. Чтобы он этого не делал! Но... ведь это было, да? Было не только вчера. Было раньше.

Он приходил домой, приходил после этих женщин! Трогал меня руками, которыми трогал их! Целовал меня губами, которыми целовал их! Делал со мной то же, что делал с ними... С трудом подавляю рвотный рефлекс.

Неужели ему самому не было мерзко? Противно? Гадко? Ласкать женщин, которых ласкают все? К горлу подкатывает. Сглатываю. Стараясь дышать носом.

– Любимая...

Господи! Да как он смеет! Набираюсь решимости.

– Мне. Нужен. Развод.

Он опускает голову. И букет. Несчастные розы ни в чем не виноваты...

– Хорошо, Аля...

Вот так просто?

Глава 12

Он сказал «хорошо»? Я... я не верю! Просто не верю.

Не могу на него смотреть, а надо бы! Посмотреть в лживые глаза, понять, но... просто не могу!

– Малыш... – голос у него хриплый. Еще недавно он называл меня так, когда... когда любил, когда мы были вместе, в спальне... Называл меня так, нависая сверху, заглядывая в глаза, погружаясь... присваивая, клеймя...

Боже, о чём я только думаю.

– Малыш...

– Не надо, Марк, пожалуйста. Я просто хочу сказать тебе, что...

– Я тоже, Аленькая... так много хочу сказать.

Он делает шаг, ближе, неожиданно мне некуда деться – за спиной оказывается стол, я начинаю тихо паниковать.

Марк кладет букет на столешницу, словно отрезает мне путь к отступлению. Чтобы вырваться, мне надо дотронуться до него, а я не могу. Но почему-то мой воспаленный мозг подкидывает картинки из прошлого. Как он касался меня этими руками, как ласкал, как мне это нравилось! Дико, невозможно нравилось, доводя буквально до животного иступления...

Не хочу помнить, хочу забыть.

– Аля.

– Марк, пожалуйста.

– Прости меня, малыш... я... я так тебя люблю!

– Нет, не надо, перестань!

– Надо! Я... я хочу, чтобы ты выслушала. Просто выслушай меня!

Сглатываю. Он говорит спокойно. Тихо. Разумно мне на самом деле его выслушать. И бабушка бы посоветовала ничего не решать сгоряча.

Просто выслушать. Усыпить бдительность.

Пусть думает, что я готова к обсуждению. Пусть.

– Я... я выслушаю. Только... не так. Ты давишь. Я не могу. Я... давай сядем. Сядем... на диван и...

– Хорошо, пойдём, – не могу слушать его сиплый голос, он... он зачаровывает меня. На самом деле. Как... как белый колдун из «Властелина колец». Меня это пугает.

Я так любила его голос!

С ним поняла, что значит выражение «женщина любит ушами»! Любит не только за то, ЧТО говорит мужчина, но за то, КАК!

Отчетливо помню, как Марк впервые назвал меня по имени, и мне показалось, что я стекаю на мраморный пол ресторана, превращаясь в дождевую воду, которая промочила меня насквозь.

– Как тебя зовут?

– Аля... Валя... Валентина... – чуть не добавила «Ива-

новна» и дико смутилась.

– Валентина, роскошное имя. Аля – нежное. Ну, переоденься, нежная Аля, я, конечно, выйду.

Он вышел, оставив меня дрожать в роскошном отдельном кабинете заведения для миллионеров. В пакете оказалась длинная футболка с логотипом ресторана и леггинсы. И полотенце. Мне пришлось снять всё, даже нижнее бельё, я подумала, что футболка всё скроет. Наивная.

По его горячему взгляду сразу поняла – я очень сильно облажалась. Обхватила себя руками.

– Сейчас подадут горячий суп и облепиховый чай.

– Спасибо, я не голодна.

– Надо съесть, чтобы не заболеть. Не бойся, это будет вкусно. Ты любишь морепродукты? Нет аллергии?

– Нет, наверное...

– В смысле?

– Я... я не знаю... – я правда не знала. Не помнила, когда в последний раз ела морепродукты. Я жила с бабулей, а она терпеть не могла морских гадов.

– Никогда не пробовала? Да ладно? Ты откуда такая?

– Откуда?

– Приехала поступать в Москву?

– Нет, я москвичка, коренная, – именно тут родились и мама с папой, и даже папины бабушка с дедушкой. Машины приехали – дед был военный.

– Ясно, коренная. Не думал, что в Москве остались такие

красивые девушки.

Он вогнал меня в краску. С одной стороны, было приятно. С другой – обидно. И я не знала, как себя вести.

Я и после свадьбы не всегда знала, как себя вести. До сегодняшнего дня.

А после вчерашнего вообще все настройки сбиты.

– Аля...

Он отпускает меня, я быстро сажусь в кресло, надеюсь, что он займет соседнее и мы хотя бы не будем касаться друг друга. Пульс зашкаливает. Между нами искры. Я словно окружила себя защитным коконом, через который ему не пробиться, но он пытается. Выпускает стрелы. Взгляды...

Марк, вопреки моим ожиданиям, опускается прямо на ковер. Опять слишком близко.

– Аля, я... мне многое надо сказать. Я надеюсь, ты готова слушать. Мне реально нужно, чтобы ты выслушала.

Я не готова. Не хочу. Но выхода нет. Сижу, сцепив зубы. Опять пялюсь в черную дыру камина. Он видит это, встает одним движением, опускается перед пустым очагом, достает из дровницы пару поленьев, возится, поджигая. Через несколько минут начинает плясать огонь.

Слишком ярко, я уже привыкла, что в комнате почти темно.

– Ты слишком невинная, слишком чистая для меня, – опять глухой и низкий бас...

Я не сразу понимаю, что он говорит.

– Мне не стоило на тебе жениться. И вообще... Не стоило с тобой... Чёрт...

Вижу, как он сжимает пальцами переносицу. Он сидит боком ко мне, согнувшись, сторбившись, но все равно он большой. Его много.

Но я неожиданно понимаю, что не боюсь. Что бы он ни сделал. Даже если он поступит так, как вчера. Если... силой. Мне странным образом плевать на это. Безразлично. Понимаю, что он может осквернить моё тело. Но не душу! Только не её!

– Я должен был отпустить тебя еще там, в ресторане. Когда ты сказала, что согрелась и тебе нужно домой.

Меня начинает трясти, я только что вспоминала! И он... и сцены из прошлого снова перед глазами.

– Я люблю тебя, Аля. Я полюбил тебя тогда, сразу, не знаю, как, очень быстро. Просто... в глаза твои посмотрел там, на крыльце, ты была такая незащитная, вымокла насквозь. Ты должна была выглядеть жалко. Но у тебя была осанка, как у королевы. И ты вся... нереальная. Не похожа на тех, с кем я...

Да, он часто мне говорил, что я не похожа на девушек, женщин, с которыми он общался. Марк не скрывал, что у него было достаточно... близких связей, просто связей. Плейбой. Какое жалкое слово...

Зачем же тогда он опять пошёл к ним, если ему было хорошо со мной? Зачем?

– Аля, ты просто не знаешь. Я... Мне надо больше. Гораздо больше, чем ты можешь дать. Нет. Не так. Я просто не посмею у тебя о таком попросить...

Что? Он... он реально думает, что меня устроит это объяснение? И... что значит «больше»? Чаше? Но мы... Боже, мне кажется, мы и так делали это постоянно. Или... или ему нравится что-то... Нестандартное? Меня опять мутит. Мне дурно. Дурно от того, что жизнь вот так просто превратилась в фарс. Дурно от того, что я не понимаю, почему и зачем.

И главное – за что?

– Зачем ты тогда на мне женился?

Он поднимает голову, медленно, очень медленно. Взгляд тяжелый исподлобья. Прожигающий. Огненный. Адовый.

– Я не смог. Я... слишком сильно хотел тебя. Я люблю тебя, Аля. Ты – вся моя жизнь...

Глава 13

«Слишком сильно хотел... люблю тебя... ты моя жизнь...»

Как он может? После всего? Как? У меня в голове не укладывается. Мой мозг, видимо, настолько туп, что не в состоянии понять. Или это мой супруг прикидывается таким умным и считает, что меня, наивную дуреху, так просто заставить поверить в его чувства. В его страдания.

Противно. Тошно. Реально отвратительно.

Мне столько хочется сказать ему!

Разве когда любишь, не хочешь всецело принадлежать одному этому человеку? И чтобы он так же всецело принадлежал тебе? Разве не хочешь быть только с ним и ни с кем другим? Разве...

Мне хочется сказать: Марк, тебя обманули! Если тебе кто-то сказал, что вот это любовь, – тебя обманули! Любовь – это другое!

Любовь – это когда дышать без этого человека не можешь! Когда хочешь быть только с ним! Только в нем раствориться! Только его слышать, трогать, чувствовать!

Вот что такое любовь! Это когда стараешься делать любимого счастливым. Любым способом. Как умеешь!

Когда хочешь дать всё самое лучшее. Любое желание ис-

полнить!

Когда для тебя важнее любимый, а не ты. Поэтому и жизнь за любимых раньше отдавали. Да и сейчас...

Это любовь!

То, что я чувствую...

Чувствовала.

Это была любовь!

Настоящая.

Любовь, которую ты растоптал...

Я помню тот момент, когда поняла, что люблю его.

Марк начал развивать наш роман очень бурно. Тогда из ресторана он сам повез меня домой, отменив важную встречу. Я постеснялась дать ему свой телефон, но взяла его визитку. Не думала, что позвоню. Понимала ведь – мужчина такого уровня! И я... Уровень было видно. По всему. По идеальному костюму и причёске. По тому, как разговаривали с ним в ресторане. По шикарной машине с водителем.

Я еще не знала, кто он, но понимала, что он явно весьма богатый, уважаемый, привыкший к тому, что вокруг только все лучшее.

И я. Обычная студентка из почти обычной семьи. То, что у бабули были какие-то связи – это так, мелочи.

Марк тогда привез меня домой и пропал. Его не было два дня. Я думала, что и не будет.

Он приехал с роскошной корзиной орхидей. Необычных, удивительных. Мне такие никто никогда не дарил. Хотя в

институте у меня был довольно обеспеченный поклонник.

Марк пригласил меня в театр, на премьеру во МХАТ, мы сидели в партере, вокруг были известные люди...

Потом мы пошли в ресторан. Две Мишленовских звезды, авторская кухня. Марк потом плевался и повел меня в другое место, где нам подали огромные вкусные стейки...

Следующее свидание – выход в Большой театр. Марк спросил, была ли я в Мариинском. И организовал поездку в Санкт-Петербург – на балет. Я была в шоке и отказывалась. Боялась. Но Марк пообещал моей бабушке – бабушке! – что у меня будет отдельный номер в гостинице и он привезет меня в целости и сохранности.

Тогда он обещание исполнил. Хотя во время прогулки по ночному Питеру все-таки поцеловал меня.

Меня никогда не целовали так! Да, я целовалась, конечно, пробовала, у меня были отношения с молодыми людьми, ничего серьезного, но поцелуи я позволяла...

Марк целовал меня с такой страстью! Даже с какой-то яростью. Словно он был... одержимый. Да. Одержимый жадой.

Мне было немного страшно и очень приятно. Казалось, тело превратилось в легкое облачко, вот-вот взлетит. Сердце из грудной клетки норовило выпрыгнуть, прямо к нему в ладошки...

– Необыкновенная моя, фея моя, волшебная... Девочка моя...

Марк шептал на ухо нежности, а я таяла, с ужасом понимая, что дико хочу... продолжения! Хочу того самого и только с ним.

Мы почти все лето были вместе. Гуляли, ходили в рестораны, он возил меня в гольф-клуб, учил играть. Катал на яхте. Вывез нас с бабушкой в Сочи, потом предложил поехать в Калининград, когда бабуля призналась, что мечтает увидеть Остров Канта...

Мы только целовались. Марк не позволял себе ничего лишнего.

Но целовал так, что я умирала от желания...

А потом он уехал. Улетел сначала на очередной экономический форум, потом на свои предприятия. Звонил, писал, мы общались по видеосвязи, но это было не то.

Я безумно скучала. В какой-то момент мне показалось, что он не горит желанием продолжать отношения. Пару раз сбросил звонки. Еще пару раз прислал сообщения, что ему неудобно писать и говорить.

Сейчас вспоминаю и думаю: наверняка он и тогда был с другими женщинами. Может, даже с наглой Риммой...

Тогда мне было очень больно. Я страдала. По-настоящему страдала из-за разрыва отношений. Ревела в подушку, заявляя бабуле, что со мной всё хорошо, просто приступ мигрени.

Я ничего ему не писала. Так же пару раз не ответила. Надеялась, что он или честно скажет, что мы расстались, или

потребуется объяснить, что со мной не так... Он не потребовал.

Через месяц в нашу дверь позвонили, сказали – доставка цветов. И привезли пару цветочных магазинов. Реально, вся гостиная была в розах, тюльпанах, альстромериях, гортензиях, пионах и орхидеях. Бабушка была в восторге несмотря на то, что ей пришлось пить лекарство от аллергии.

Я получила сообщение с просьбой спуститься на улицу. Гордость вопила, что идти не стоит, но любопытство победило.

Я вышла. Было уже прохладно. Конец сентября. Накрапывал дождь.

Марк стоял у машины с букетом ярко-желтых кленовых листьев.

И я поняла, что люблю его.

Потому что сердце реально из груди выскочило и побежало к нему со скоростью света.

В ушах стоит гул.

Воспоминания выжигают.

– Аля... Я хочу, чтобы ты послушала и поняла.

Я могу послушать. Понять? Наверное, нет.

Зачем он заставил меня его полюбить? Зачем ему нужна была я, если он заранее знал, что будет изменять?

Почему же так больно? Почему?

Собираюсь с силами.

– Марк, я хочу развод.

– Аля я... я не отпущу тебя.

– Что? – смотрю на него, и в груди поднимается волна негодования. Он с ума сошёл? Что он о себе думает? Как он может?

Он прямым текстом мне сказал, что изменял! Я его застукала! Я не хочу жить в этой грязи! И... всё, что он может сказать, это то, что не отпустит?

Резко встаю, собираясь уйти. Не хочу его видеть сейчас. Никогда не хочу! Не хочу говорить. Видеть. Дышать одним воздухом с ним!

Марк так же резко встает, догоняет меня, хватая за руки, впечатывая в себя.

– Аля...

Его рот приникает к моему, а я мычу в диком страхе, отбиваюсь, отталкиваю, он не отпускает, слезы кипят в глазах, заливают лицо. А мозг выдает картинку вчерашнего бурного свидания моего любимого. Я не могу сдержаться. Успеваю только чуть отвести лицо и меня рвёт прямо на его бесценный костюм...

Глава 14

Это, наверное, ужасно, но мне всё равно. Я не испытываю стыда. Да и почему я должна его испытывать? Нет, еще пару дней назад, если бы меня не то чтобы вырвало на мужа, если бы я почувствовала, что меня вот-вот стошнит, я бы умерла со стыда.

Мне вообще в начале отношений с ним было безумно тяжело. Я боялась опозориться. Не то сказать, не то сделать... Боже, мне неловко было в дамскую комнату отлучиться! Зная, что он ничего не увидит и не услышит!

А теперь...

Теперь я чувствую облегчение. Я избежала поцелуя.

Вытираю рот тыльной стороной ладони.

– Извини...

– Ты... ты плохо себя чувствуешь? – он смотрит без отвращения, так, словно реально напуган произошедшим, и протягивает мне идеально выглаженный платок, который достает из кармана. – Аля... может, стоит вызвать врача?

Он серьезно? Беру платок, вытираю рот, руки... Отвожу взгляд.

Да уж...

Господи... раньше я готова была все отдать за поцелуи Марка. После того самого первого, голодного, страстного, я каждый раз ждала... А он не спешил. Он... иногда мне ка-

залось, что он боится прикасаться ко мне. Конечно, я сама смеялась над своими мыслями. Тогда я пару раз его провоцировала, смотрела, прикасалась к его плечам, пыталась без слов объяснить, что мне... мне хочется, и я не против.

Мне было очень сладко, я таяла каждый раз, голова кружилась.

До встречи с Марком мне казалось, что все эти любовные описания, которые так любят в книгах – ватные колени, поджимающиеся пальчики на ногах – это ерунда. Не слишком достоверные, даже пошлые описания, которым верят только совсем юные трепетные барышни или сказать точнее – дуручки.

Но с Марком я чувствовала именно это. Пальчики именно что поджимались, и колени... как вата. Влюбленная дуручка.

Как-то целуя меня на пляже в Сочи, Марк решил погладить меня чуть более откровенно – мне казалось, я сойду с ума. Внутри словно огненная лава растеклась, стало так горячо, низ живота скрутило, я даже застонала тихонько. А он... Он отпрянул, тяжело дыша...

– Прости, я... забылся...

– Всё хорошо, я... мне было очень приятно. Если ты хочешь...

– Если ты хочешь расстаться с невинностью прямо тут, то... Но мне казалось, тебе имеет смысл подождать до свадьбы.

Тогда он сказал именно так – тебе. И я испугалась. Испу-

галась, что он не хочет ничего со мной, такой неопытной, невинной, что он просто играет, и у него в планах нет серьезных отношений. Глупая... Наоборот, если бы он не хотел ничего серьезного, то взял бы меня еще тогда или даже раньше.

А может... может, он тогда еще и не думал жениться? Или раздумывал, стоит ли связывать жизнь с такой, как я? Он ведь наверняка уже тогда понимал, отдавал себе отчет в том, что я на самом деле слишком неискушенная?

Но я ведь не была против искушения?

Я... я готова была стать ему женой! Стать его женщиной!

Принадлежать ему так, как он захочет!

Увы...

Как стремительно разверзлась эта пропасть! Умирать от желания поцеловать его и содрогаться от ужаса при приближении его губ.

– Аля, я звоню доктору.

– Не надо... не надо звонить.

– Аля...

– Не надо, Марк! Ничего не надо! Развод дай мне, и все. Я помню про брачный контракт. Ни на что не претендую. Ничего у тебя не возьму. Просто дай мне уйти.

– Тебе нужно в ванную.

– Мне нужно уехать из этого дома, Марк!

– Аля... прошу, успокойся, тебе нужно умыться, потом поговорим.

– Умыться? Тебя смущает мой вид? А то, что меня вы-

рвало на тебя, не смущает? То, что меня тошнит от тебя, не смущает? – меня несет, я начинаю говорить именно то, что думаю. По крайней мере – пытаюсь.

– Аля, пожалуйста...

– Я не пойду в ванную. Мне и так нормально. Если тебя что-то не устраивает – твои проблемы. Я хочу закончить разговор.

Внутренний тремор становится все сильнее. Меня колотит. Сердце на повышенных оборотах скачет, кровь гоняет так, что уши закладывает. Мне кажется, я чувствую, как внутри вспенивается адреналин, стреляет по всему телу холостыми разрядами.

– Хорошо, – удивляет его тон, настолько спокойный, бесстрастный, как он может вот так?

– Хорошо? – смотрю на него, понимая, что он опять, скорее всего, меня просто обманет, но глупая надежда...

– Хорошо, давай ты успокоишься, подождем несколько дней и поговорим.

– Несколько дней? Зачем? Смысл? Чего ждать? Через несколько дней изменится прошлое? – Я просто отказываюсь слушать его нелепые доводы! Не хочу! Не буду! Снова выдаю все свои мысли разом. – Окажется, что ты не изменял? Я не видела тебя с этими двумя? Не слышала о том, что ты... с Риммой?

– Я не был с ней после нашей свадьбы. Она солгала.

Всполох радости тонет в мутном потоке мерзости. После

свадьбы не был – какое достижение! А до, значит, был? И не только с ней? А после? С кем? Сколько их было? Много?

Римма вопила, что он... всё, что движется. Господи, какая грязь...

– Аля, я хочу попытаться все объяснить.

Он настойчив. Смотрю на него как-то отстраненно. Как на совсем чужого человека.

Он очень хорош собой. Красив, хотя нельзя сказать, что его красота классическая. Но он притягивает взгляд. Я помню те эмоции, которые испытывала, поняв, что этот мужчина заинтересовался мной. Помню трепет, страх, удовольствие. Помню, как увидела в его глазах не просто интерес к себе – жажду!

И его слова, сказанные еще до свадьбы, о том, как он мечтает обладать мной.

И как я мечтала, чтобы он мной обладал, был моим, только моим! И как я верила, что он только мой...

Чувствую, как закипают слезы. И как становится нечем дышать.

Он хочет объяснить? Что он может объяснить? Что тут вообще можно объяснить?

– А я не хочу ничего слушать, Марк. Мне всё равно. Представляешь? Что бы ты ни сказал! Один факт измены, то, что я видела... Это... это... Боже, ты не понимаешь, насколько это отвратительно?

Смотрю на него, пытаюсь разгадать: он на самом деле ис-

кренне считает, что разговор что-то изменит? Что он пытается мне объяснить? Что я слишком неопытна в любви и чиста, а ему... ему нужны оргии? Или что?

– Аля, ты не поверишь... – он прав, я не верю, но все еще зачем-то слушаю, – я понимаю, насколько... жалки мои оправдания. Но я имею право на последнее слово. На защиту. Даже... даже преступникам дают возможность...

Он не договаривает – и так всё ясно.

– Марк, я...

– Просто выслушай, дай мне шанс.

О господи, о каком шансе речь? Он серьезно считает, что имеет право на прощение?

– Нет. Нет, Марк. Нет.

– Это жестоко...

– Жестоко? Ты говоришь мне о жестокости? Ты?

Я бросаюсь на него, буквально обрушиваюсь с кулаками, стучу по плечам, по лицу, чувствуя, как предательские горячие слезы текут по щекам. Он не старается закрыться, просто смотрит, как на ребёнка, который в истерике падает на пол и стучит ногами.

– Я ненавижу тебя! Ненавижу! Не хочу слушать! Не прощу! Ненавижу!

Внезапно он хватает меня за талию, поднимает, тащит куда-то. Куда – я понимаю, только оказавшись под холодным душем.

Ахаю в шоке, не в силах даже вздохнуть. Обжигающая ле-

дяная струя бьет в лицо, потом ниже, умывая, смывая всё.

Хватаю ртом воздух, даже когда он выключает воду.

– Успокоилась? Ты как ребёнок, Аля... просто как ребёнок. Надо взрослеть. Никакого развода не будет. Забудь об этом. Неделю сидишь дома. Охрана тебя не выпустит. Потом у меня будет небольшой отпуск, полетим на острова. Всё. Приводи себя в чувство. Если сама не справишься, я приглашу психолога. Вымойся нормально, спать пора.

Он выходит, спокойно прикрывая дверь, а я сползаю по стенке. Слез уже нет.

Есть просто дикая боль. И ужас.

Он сказал – пора спать... Неужели он собирается спать со мной?

Глава 15

– Бабушка... Бабуш... – не хватает сил, слезы глотаю. Не могу сказать ей всё. Не потому, что не хочу расстраивать или мне стыдно, что моя семейная жизнь так быстро развалилась. Нет. Дело не в этом.

Я просто боюсь. Реально боюсь, что Марк за мной следит! Его служба безопасности контролирует каждый мой шаг уже три дня! Чёртовы три дня...

Одно радует – Марк спит в гостевой спальне. И дома. Да, как бы глупо это ни звучало, но меня радует, что он дома! Хоть в этом меня не ранит.

Он еще раз пытается поговорить. Я понимаю, что лучше просто молчать. Говорить не получается. Я прошу развод. Он отвечает отрицательно. На этом всё.

Звонит Дина, голос у неё такой виноватый, и я почти сразу жалею, что взяла трубку.

– Кис... ну мы не хотели, кто ж знал? А твой тоже хорош – чего вот так-то у всех на виду? Да все они, кобели, таскаются по... по шалавам всяким...

– Дина, хватит. Извини, не могу говорить.

– Подожди! Римма сука, да, но она ведь правду сказала. Твой Марк...

Выключаю телефон. Оно мне надо? Я уже и так поняла, что мой Марк совсем не мой. Общий. Их... Может, и Дина

тоже с ним спала...

И с этим надо что-то делать.

Гуглю инфу о разводах. Можно подать заявление через Госуслуги. Боже, неужели это так просто? Увы, нифига не просто. В смысле – для меня. Так как заявление должны подавать оба.

Вечером Марк обращается с вопросом.

– Госуслуги изучала? – Я леденею, получается, все мои действия отслеживаются?

Молчу. Что я могу сказать? Когда моя жизнь превратилась в этот трэш?

Боже, я головой понимаю, что теперь он меня точно не отпустит! Теперь это просто вопрос престижа для него, или еще чего-то там. Чести, наверное, которой нет.

Как так-то? Девочка ниоткуда бортанула олигарха Златопольского?

Не пожелала мириться с его чрезмерной маскулинностью? Да-да, я даже идиотский термин в каком-то журнале вычитала.

Там психолог – инфоцыганка какая-то на самом деле – с умным видом вещала, что мужики такие мужики. Им надо. Смирись.

Нет. Не хочу.

Если все такие, значит, я лучше буду одна!

Да нет, я же знаю, что не все? Папа был верным. И дед тоже.

– Аля... ты как себя чувствуешь? Тебя... не тошнило больше?

Его слова вгоняют в ступор. Потому что меня как раз тошнило утром. Неужели за мной и в туалете следят?

– Со мной все нормально.

– Хорошо. Завтра важное мероприятие, нам нужно быть на открытии выставки.

Нам? Он сказал – нам? Как я там появлюсь после всего? Очевидно же, что все знакомые в курсе? Я не могу! Просто не могу!

– Аля, мы должны быть вместе. Это всё.

– Нет, не всё! Я не собираюсь никуда идти! И вместе быть не собираюсь! И я не хочу больше оставаться в этом доме! Немедленно меня выпусти! Я не хочу!

Сама не понимаю, как скатываюсь в истерику. И он снова тащит меня под холодный душ. А потом...

Потом опять набрасывается с поцелуями, шепчет о любви, о том, как соскучился, как ему адово без меня, как он сожалеет, как...

Отбиваюсь молча, яростно, когтями, ногами, зубами, всем! Но с ним не так просто справиться. Он огромный.

– Какая же ты у меня трудная, Алька... Чёрт.

– Пусти! Марк! Если ты сделаешь это – я тебя убью, слышишь? Убью!

– Что ты сделаешь?

– Я убью тебя. Я найду способ, ты понял?

Он отшатывается, смотрит затуманенным взглядом.

Опускает руки. Его домашняя одежда вымокла насквозь, как и моя.

– Ты меня ненавидишь, Аля?

– Да.

Ухмыляется и уходит, оставив меня одну.

Я не знаю, что делать. Как мне отсюда вырваться.

– Бабушка... бабуля...

А утром мне приходит сообщение, что бабушка попала в больницу с приступом...

Ненавижу тебя, Златопольский! Как я тебя ненавижу!

Глава 16

– Марк!

– Я всё знаю, малыш, успокойся. Сейчас я закончу дела, приеду за тобой, и мы поедем в клинику.

– Я не могу ждать, ты понимаешь? Не могу! Она единственный родной мне человек, Марк! Мне надо быть там сейчас!

– Успокойся, милая, я буду дома через час...

– Есть же водитель! Пусть он отвезет меня! Я никуда не денусь Марк, я клянусь, я ничего не сделаю, только выпусти меня! Я должна быть там у неё...

Тяжелое молчание, мои судорожные всхлипы...

– Марк, пожалуйста, я всё сделаю, я буду послушной, покорной, я прощу, только...

– Прекрати. Одевайся. Водитель будет готов через десять минут. Охрана едет с тобой...

Всхлипываю, тянусь за платком. Меня реально трясет. Никогда мне не было так страшно.

Когда я потеряла родителей, это было... Это было внезапно. Я не успела особенно осознать. А когда осознала – уже всё случилось. Надо было привыкать к сиротству. Даже к тому, что мамочки из родительского комитета жалели меня и говорили, что с меня денег на подарки к Новому году

не возьмут. Помню, бабушка сначала возмутилась, налетела на них как фурия. Потом успокоилась, извинилась. Они не хотели обидеть как-то. Наоборот, помочь... А я тогда очень чётко осознала, что у меня бабушка есть, что она за меня горой. Значит, я совсем не сиротка.

А сейчас с ужасом думаю, что кроме бабушки – никого. Марка я в расчёт уже не беру...

Есть школьная подруга Оксана, Ксюша. Мы с ней созваниваемся, переписываемся, но всё реже. После свадьбы моей ни разу не виделись. Я приглашала её, но она прийти почему-то отказалась, сказала, что стесняется. Да, она скромная очень, спокойная. Вся в учёбе. Я могу сказать, что это близкий мне человек, но всё-таки не родной.

Всегда переживала, что у меня нет двоюродных, троюродных... Нет, эти может, где-то и есть, но мы никогда не общались.

В институте близко сойтись ни с кем не успела, так, общались вроде в компании, в чате группы переписывались, но чтобы душу раскрыть – нет.

Наверное, моя вина – я не компанейская.

Бабушка все время меня ругает, называет интровертом и социофобушкой. Она у меня как раз дама активная, общительная. У неё везде подруги. И в сети, и так, по жизни.

Да-да, моя семидесятилетняя бабуля активный пользователь. Обсуждает турецкие сериалы, ругается, отстаивает свою позицию. До сих пор сама активно пишет.

Господи, помоги! Только бы с ней всё было хорошо! Высокое давление, сердце... Это же не приговор? Нет? Ну пожалуйста!

Молюсь всю дорогу. Водителя попросила поторопиться, он едет с приличной скоростью. Понимаю, что, скорее всего, будут штрафы. Неважно. Златопольский заплатит.

Вспоминаю, что сказала ему. Прощу, буду покорной.

Я ведь не смогу! Просто не смогу! Но сейчас не в состоянии еще и об этом переживать.

Только бы с бабушкой всё было хорошо!

Приезжаем в элитную частную клинику через сорок минут. Я выбегаю, чуть не падая, хотя плитка перед зданием вылизана и посыпана реагентом.

– Валентина Ивановна, аккуратнее, – охранник подает руку, которую я игнорирую.

В холле меня уже встречает доктор, огромный мужчина, улыбающийся, как мне кажется, не к месту, громогласный.

– Валентина Ивановна, значит? Будем знакомы, Товий Сергеевич Коршунов, главврач, мне звонили...

– Как она? Она жива?

– Живее всех живых! – подмигивает, а у меня сердце в пятки. – Не переживайте так, все под контролем. Пойдемте.

Иду за ним, охрана за нами. Разумеется. Дадут ли мне вообще пообщаться с бабушкой наедине? И что я ей скажу? В таком состоянии ей точно не до моих проблем.

Я ведь и по телефону тогда ничего толком не объяснила.

Первый раз позвонила тогда, когда узнала, что Марк меня запер, хотела просить помощи. А потом вдруг испугалась: ну и чем она мне поможет? Еще её в это втягивать! Вывернулась, просто сказала, что хочу чем-то интересным заняться, я ведь взяла академ, учеба не напрягала. Второй раз позвонила, еле сдержалась, знала уже, что Марк может слышать все разговоры, сказала, что скучаю, хочу приехать, но не могу... если бы я приехала, может быть, с ней ничего бы и не случилось.

Новая волна ненависти к мужу накрывает с головой, со свистом вдыхаю воздух.

– Валечка, милая, с вами все хорошо? Может, укольчик успокоительного? – смотрю на главврача, видимо, тоже с ненавистью, потому что у него брови резко вверх ползут, – понял, не дурак. Завидую вашему супругу. Такая красавица, столько страсти...

Страсти? Он сказал страсти? Похоже, этот доктор считал, что он бессмертный. Если Златопольский узнает...

Если узнает – не поверит. Он-то не считает, что во мне есть страсть, раз пошёл налево.

Почему-то в голове само собой рождается банальное определение, верное на все времена. Козёл.

Да, глупо и пошло. Но мой муж – просто козёл.

– Так, поднимемся тут на лифте. Пятый этаж. Я, кстати, Валечка, вашу бабушку давно знаю. Людмила Викторовна у меня консультировалась, когда писала очередной детектив.

Даже предлагала мне сыграть одну из ролей. Но... А вот она сама зря не снималась, актриса бы из неё хорошая получилась, – это он говорит довольно тихо, чтобы охрана, держащая поодаль не слышала.

У палаты громогласный врач останавливает охранников.

– Молодые люди, вам лучше остаться тут. Можете, конечно, осмотреть палату... – они переглядываются и замирают у двери в одинаковых позах.

– Проходите, только тихо, Людочка спит...

Но у бабули сна ни в одном глазу, она сканирует меня внимательным взглядом.

Глава 17

– Я рассчитывала, что он как минимум порядочнее. И умнее. Просчиталась. Чувствовала, что не надо тебя за него отдавать, – бабушка головой качает.

– Что мне делать? Я... я не могу с ним, – стараюсь держаться.

– Совсем?

– В смысле? – не понимаю её вопроса, реально не понимаю!

– В коромысле, горе моё. Совсем не можешь? А как же... любовь? Помнишь, говорила: «я люблю его», – она голову наклоняет, изучает меня исподлобья, а я...

А я вспоминаю! Опять. Снова.

Да что там... все эти дни вспоминала. Как от счастья захлабывалась, когда поняла, что я его... и что он меня тоже.

Он ведь первый признался. Сразу тогда, когда приехал с вагоном цветов и осенними листьями. После разлуки.

– Аля... Аленький мой... – и целовал, прямо на улице, у всех на виду. Хотя раньше говорил мне, что старается не позволять подобных проявлений чувств, потому что за ним часто следят папарацци. Господи, я тогда даже не поняла, о чём он!

Поцелуй – глубокий, влажный, горячий, на пределе. Очень острый. От такого колени ноют, пожар вспыхива-

ет внизу живота, плазмой огненной скручивает. Желание. Жажда! Как хочется... хочется допустить его до всего, умо-
лять...

Голова кружилась после, взгляд не фокусировался, а он
взял мое лицо в ладони, листья вокруг нас закружились...

– Я люблю тебя, Аля. Слышишь? Я тебя люблю...

Мамочки! По венам кипящая лава, бурлит и пенится, ад-
реналин заменяет кровь, разряды на полную. Живи, малыш-
ка, только живи! Сердце, не останавливайся, вот оно, сча-
стье! Любит!

– И я... я...

– погоди, маленькая, если ты... я ни к чему не принуж-
даю, я хочу...

– Я люблю тебя, глупый! Люблю! – моя очередь прижать
ладошки к его щекам, подтянуться...

Я назвала его глупым! Его! Тридцатипятилетнего бизне-
смена, магната, одного из самых богатых людей в стране.

И он улыбался! И разрешал признавать его таким.

Потому что всё это было про любовь. Наши поцелуи. На-
ши сердца, которые бились рядом. Наши руки сплетающие-
ся...

Видения переплетающихся тел.

– Хочу быть твоей, только твоей! – без задней мысли го-
ворила! Искренне!

– Мы поженимся, малышка. То есть... Чёрт... – он сму-
тился. Смутился! Он! Сглотнул, полез за чем-то в карман,

потом... потом встал на колени.

Боже, прямо на улице! Чуть ли не в лужу! Мамочки...

– Аля... Валентина... ты... согласна стать моей женой?

Да! Да! Да! Да! Эшелоном ответов! Сотней букв, тысячами звуков, миллионами, миллиардами. Да! Горела! Летела! Плясала!

Умирала от счастья!

Потом он улыбнулся, засмеялся, выдохнул... сказал, что никогда так не волновался в жизни. Потом признался, что планировал все не так. Что кольцо сделал на заказ давно, хотел сегодня просто пригласить на свидание, посмотреть, что и как, а потом устроить романтический вечер, снять уникальный ресторан на крыше с музыкантами...

– Прости, Аленький, я все испортил...

– Ты сделал еще лучше, потому что это всё... искренне, от сердца! Это ценнее!

Я правда так считала. И правда была безумно счастлива! И мне даже было все равно, какое кольцо, хотя оно реально было волшебное, очень красивое, но мне нужен был он! Марк!

Не его деньги. Не его статус. Не кольца... Только он.

Оказалось, я получила всё. Кроме него.

Или даже не так. Ничего я не получила.

Я просто хотела любить и быть любимой. Не подозревала, что мой любящий муж, оказывается, готов всех подряд...

Что же он забыл про папарацци, когда этих двух, там?

Любовь... была ли любовь? И что это было вообще?

– Так что, Алька? Ты ведь так любила? И стоило ему один раз оступиться...

– Один раз? Если бы один! Не один! И ты считаешь, такое прощают?

– Не важно, что считаю я. Важно, что считаешь ты. Так что с любовью?

– Нет любви никакой... – злюсь. Не ожидала от неё такого...

– Нет, малыш, любовь так не проходит. Если она была. Так что... подумай сначала хорошенько. Не руби с плеча.

– Ба, как ты можешь? Не руби! Он... он...

Закрываю лицо руками. Перед глазами та сцена. Диван. Две блондинки. И снова мутит, едва успеваю добежать до туалета, благо он в палате.

– И какой срок? – бабушка у меня прямолинейна.

– Я не знаю. Я только тест сделала, неделю назад. Еще до всего.

– Он не знает?

– Нет.

– Ясно.

– Бабушка, если он узнает, он меня не отпустит.

– А ты на самом деле хочешь, чтобы отпустил?

Я не знаю. Мне просто очень больно рядом с ним. Больно. Потому что я его ненавижу. И... нет, не люблю, наверное. Вспоминаю, как любила. И как, мне казалось, любил он. И

от этого еще больнее...

Глава 18

Да, бабушка у меня непростая во всех отношениях. Но я все-таки не ожидала того, что она повернет разговор именно так.

Любовь...

Какая тут может быть уже любовь? Когда я... Я теперь в неё просто не верю. После всего. Как поверить? И можно ли такое простить? И понять?

Может, для кого-то это просто. Точно не для меня. Я максималистка. По крайней мере, всегда считала себя такой.

– Аля, надо думать. Принимать решение. И, конечно, я должна сама поговорить с твоим Марком.

– О чём, бабушка? О чём уже с ним говорить? После всего...

Я же рассказала ей и о вечере в ресторане, и о злосчастном диване с блондинками, и о моих так называемых «подружках», и о том, что Марк сделал после, дома. О том, что я просила его остановиться, а он...

– Аля, это всё, конечно, ужасно, но ты меня знаешь, я в любом поступке ищу мотив. Всегда. Жизнь – она как детектив. У каждого поступка есть мотивация.

– Ба, ну какая может быть мотивация в...

Я не могу даже выговорить это слово. Тихий ужас.

Договорить не получается, потому что в палату входит

Марк. С корзиной цветов, естественно. И корзиной фруктов.

– Добрый день, Людмила Викторовна.

– Здравствуй, Марк, спасибо за цветы. Фрукты не стоило, тут отлично кормят. Но тоже спасибо.

– Как вы себя чувствуете?

– Твоими молитвами, – бабушка не может удержаться, поджимает губы. Я вижу, что на лице моего невозмутимого, обычно, мужа какое-то новое выражение. Он... растерян?

– Я бы хотела с тобой поговорить, Марк. Наедине. Аля, отнеси фрукты девочкам на пост. Корзина не сильно тяжелая? – это она спрашивает у Марка, он смотрит на меня.

Глаза совсем темные. Вспоминаю, как первое время знакомства я боялась смотреть ему в глаза и долго не могла понять, какого они цвета. Зеленые? Серые? Карие? Они оказались зелеными с золотистыми и карими крапинками. Красивые...

– Хорошо, бабушка, сейчас.

– Я помогу Але.

– Не стоит.

Поднимаю корзину – да, приличный вес, но я её беру и выхожу.

Не знаю, о чем бабушка будет с ним говорить. Да и что Марк ей скажет? Будет оправдываться? Или, наоборот, признает вину? Мне не легче ни о одного, ни от другого.

Медсестры на посту принимают подарок, благодарят, предлагают мне угоститься тоже – головой качаю.

Меня снова триггерит – фрукты! Когда-то Марк обожал привозить мне фрукты, кормить меня ананасами, зная, как я их обожаю.

– Ты такая смешная, когда их ешь. Как ребёнок. Хотя ты и есть...

– Марк! Вообще-то ты мне предложение сделал, а говоришь, что я ребёнок! – я возмущалась, но мне почему-то очень нравились его слова тогда.

Наверное, любой психолог сходу бы оценил моё поведение, расписал бы психологический портрет, выдал бы диагноз. Что-то вроде того, что я в Марке искала отца, а не мужчину.

Не знаю, насколько это справедливо. Я любила своего папу, он был лучшим. Возможно, мне и правда не хватало отца, но в Марке я видела прежде всего мужчину. Всегда.

Сильного, властного, такого, который готов взять на себя всё, рядом с которым ты как за каменной стеной.

Может, мне не стоило выбираться из-за этой стены? Как хорошо было бы ничего не знать...

Да-да, жить в мире розовых пони. И плевать на все, что происходит там, за границами этого мира.

– Аля...

Сижу в холле отделения, опустив голову. Мне так плохо, хочется зарыться в теплое одеяло. Не думать ни о чём.

– Аленький, тебе плохо? Врача? – голос Марка царапает что-то внутри, сердце кровоточит.

Почему я вспоминаю только самые сладкие, нежные моменты с ним? От знакомства и дальше? Почему только самое-самое сладкое?

Может, потому что другого не было?

Поэтому теперь так больно?

– Аля...

– Всё хорошо. Я пойду к бабушке.

– Зайди ненадолго. Ты же помнишь про вечер?

– Марк, какой вечер? Бабушка в больнице! – я не смотрю на него, не могу!

– Аля, я понимаю, но тут за ней присмотрят, тут лучшие врачи, а мы... Ты нужна мне сегодня.

– Я? – не могу удержаться, поднимаю голову. – Может, позовешь одну из блондинок? Или Римму? А может, Дину? С Диной у тебя тоже было? Или... найдешь рыженькую, для разнообразия?

Его лицо как маска. Ни один мускул не дрогнул. Только в глазах загорелось...

– Я уже нашел тебя. И с Диной ничего не было. И я не буду оправдываться всю жизнь, Аля. Когда ты будешь в состоянии меня услышать – мы поговорим. А теперь поднимайся. Попрошайся с бабушкой и поедем. Тебя уже ждёт стилист.

Почему-то в этот момент мелькает мысль, что Марк реально болен. Болен своей властью, деньгами, ощущением, что ему можно всё. Но ведь это не так!

Он не может играть судьбами других. Моей судьбой. И я

ему это докажу. Пока не знаю, как, но докажу!

Глава 19

Поговорим, когда будешь в состоянии услышать?

У меня для тебя плохие новости, дорогой.

А может, и не плохие.

Стою перед зеркалом – стилист свою зарплату отработывает на двести процентов.

Я как на конкурсе красоты. Мисс Вселенная. Вот только моя вселенная пока разбита.

Но я думаю – только пока! Я восстану, как феникс из пепла.

Мы с бабулей договорились, что завтра, когда я приду к ней, она устроит мне обследование. Тайно. Чтобы Марк не узнал о моем положении.

О чем они говорили? Пока молчит. Тоже обещает все рассказать завтра.

Ну и...

– Аля, внучка, разве ж я тебя брошу в беде? Конечно нет. Не волнуйся. Все устроим.

Очень хочется верить, что это действительно будет так. Мне надо вырваться из дома Марка, из его мира, к которому я, как оказалось, так и не привыкла.

Выхожу из комнаты, спускаюсь по лестнице.

Вспоминаю, как впервые была у стилиста, которого пригласил Марк.

Златопольский сообщил, что решил организовать мероприятие в честь нашей помолвки, он хотел познакомить родственников, друзей, коллег со своей невестой. Я дико переживала, понимая, что не смогу сама достойно подготовиться, чтобы выглядеть своей в его кругу. Он тогда улыбнулся, поцеловал меня, пообещал, что все будет хорошо.

За несколько часов до начала в нашу с бабулей квартиру позвонили. Приехали стилист Виталий и его помощница Бианка. Привезли все – косметику, одежду, обувь, белье.

Мне почему-то было дико и стыдно. А бабушка, для которой тоже приготовили наряд, сказала мне, что стесняться тут нечего, и Марк всё делает правильно.

Я даже не представляла, что могу выглядеть так, когда увидела себя в зеркале. Сердце колотилось, руки вспотели. Да, я была хороша. Макияж мне сделали неброский, очень натуральный, волосы чуть завили и распустили, платье... Красивое платье в пол по фигуре выглядело шикарно, скрывало недостатки, которые я, как, наверное, всякая девушка, у себя находила, и делало акценты на сильных сторонах фигуры.

Я видела, каким взглядом посмотрел на меня Марк, когда зашел в квартиру. Обнял и прошептал, что хочет увезти меня к себе и не выпускать и никому не показывать.

– Я люблю тебя, Аленький...

– А я тебя.

Зря я волновалась – вечер прошёл волшебю. Мать Марка

была невероятно мила со мной, хотя я поняла – отношения у них сложные. Отец его пришел с девушкой, которая оказалась ненамного меня старше, тоже одобрил выбор сына. Да и друзья Марка наперебой сыпали комплиментами. Я познакомилась и с Диной, и с Риммой, и с другими...

Тогда мне казалось, что все прошло отлично, и Марк был очень рад.

– Знаешь, мне реально плевать на мнение большинства этих людей. Да, я такой. Тебе придется с этим смириться, – он усмехнулся. – Для меня главное, что я чувствую к тебе. Но то, как ты сегодня себя показала... Ты всех покорила. Ты была настоящей королевой.

Я была счастлива это услышать. Тогда.

Сейчас думаю – он меня словно скаковую лошадь показывал. Только что зубы мои идеальные не продемонстрировал.

Стою, смотрю на себя в зеркало – Виталий и Бьянка опять расстарались. Я снова идеальная, снова как королева.

Лучшая кобыла в стойле.

Да, я еду с ним на этот чёртов вечер. И улыбаюсь так, что зубы сводит. И смотрю на всех свысока.

Теперь мне тоже плевать на их мнение. На все плевать. Я сбегу. Я смогу вырваться. Никогда больше не увижу ни одну из этих холеных, идеальных, наглых, искусственных рож.

– Валентина? Добрый вечер.

Очередной роскошный мужик, словно сошедший с рекламы одеколona или авто, подходит. Неожиданно наклоняется

к моей руке. Я не успеваю отпрянуть или спрятать ладонь – он её целует. Потом поднимает голову, впиваясь в меня взглядом.

– У вас удивительные ладони, невероятно красивые пальцы. Такие пальцы нельзя забыть...

Глава 20

– Владимир, держись подальше от моей жены!

– А то что, Марк? Разоришь меня? Или... нос разобьешь?

Лицо незнакомца прорезает хищная ухмылка. Но даже с таким выражением его лицо – образчик настоящей мужской красоты. У него пронзительные синие глаза. Именно синие, и это не линзы. Волевой подбородок с ямочкой. Чувственные губы. Прямой нос. Он похож на какого-то актёра или мужчину-модель. В голове вертится образ. Да, и еще в нём есть что-то от Илона Маска. Только Маск берет харизмой, там обаяние огромного количества бабла. А этот... Я думаю, будь он нищепродом, мог бы собрать вокруг себя гарем из дамочек, которые бы его кормили, одевали, обували, обслуживали. Может, так оно и есть.

– Так что, Златопольский?

– Выбирай сам, что тебе больше нравится, Набоков.

– Мне больше нравится твоя жена. Удивительное создание, где ты её нашёл?

Чувствую темную энергию ярости, которая клубится вокруг моего мужа. Он зол. Кажется, даже ладонь, которой он меня резко схватил и удерживает, вибрирует. Словно он боится, что стоящий рядом с ним человек способен просто взять меня за руку и увести.

– Под дождем нашёл. Там таких больше нет.

– Жаль.

Они стоят друг напротив друга, как бойцы на ринге или рыцари, готовые вступить в схватку. Дуэлянты.

Я рядом, но меня вроде и нет. Хотя разговор они ведут обо мне.

Пытаюсь освободить руку от захвата Марка.

– Аля, стой на месте.

– Аля... какое имя. Нежное и в то же время... – не уни-
мается тот, кого Марк назвал Владимиром.

– Хватит, – муж говорит тихо, но резко.

– А в чём дело? Почему ты её не отпускаешь? Боишься,
что птичка сбежит?

– А если боюсь? – Марк произносит эти слова, и глаза его
собеседника чуть расширяются, словно он удивлён, но тща-
тельно пытается это скрыть.

– Вот как? А что, есть предпосылки? Малышке не нравит-
ся золотая клетка или... ты?

Чувствую, как у меня самой от злости начинают ноздри
раздуваться. Говорят обо мне так, словно меня нет. Как буд-
то я неживая!

Я вообще в последние дни ощущаю себя долбанной мари-
онеткой. Куклой. Реально просто предметом интерьера! Без
души. Без чувств.

– Похоже, твоей милой не нравится наш разговор. Кобыл-
ка с норовом.

– Я вам не кобылка. И свои похабные шуточки побереги-

те для своих потаскух, – взрываюсь, хотя стараюсь говорить спокойно и глухо. – А ты, Златопольский, – тряпка! Мало того, что таскаешь меня на аттракционы уродов, так еще и позволяешь каким-то ублюдкам оскорблять.

Тишина вокруг становится осязаемой.

Словно вокруг звук выключили. У всех, кроме меня. И реплика моя вовсе не была тихой. И все это услышали.

И, кажется, ждут второго раунда. И даже делают ставки: что предпримет мой муж? Ударит? Выведет вон, схватив за волосы? Оскорбит прилюдно в ответ? Унизит при всех или оставит это на десерт, и я получу своё, когда мы останемся наедине?

– Bravo! Bravo! – синеглазый красавец аплодирует и хочет.

Марк смотрит на него, обводит глазами других, я жду, что же будет, когда его взгляд останавливается на мне. И в нём... я не могу понять, что это.

Удивление? Восхищение? Чем? Тем, что я сделала? Это просто слабоумие и отвага. Только и всего. Я бегу по лезвию бритвы. Моя душа разодрана в мясо. Мне уже на всё плевать.

– Прости меня, любимая. Ты права, аттракцион уродов.

И неожиданно я вижу, как взлетает его кулак.

Глава 21

Мы едем домой. В машине Марк влажными салфетками пытается стереть кровь с костяшек, щедро поливает перекисью – водитель передал ему аптечку. Жидкость шипит на его смуглой коже и на белоснежной коже салона проезжающего авто.

Я как замороженная смотрю на алую кровь и розовую пену.

– Что? Разве мальчики за тебя не дрались раньше?

– Ты дрался не из-за меня, – отвечаю резко, потому что это правда.

– Ошибаешься...

Отворачиваюсь к окну.

Очень хочется плакать, но я же сильная. Я не буду. И мне вредно. Мне нужно во что бы то ни стало сохранить себя. Держаться до того момента, пока я смогу вырваться.

– Ошибаешься, Аленький. Иди ко мне...

– Не надо. Испачкаешь платье.

– К чёрту платье.

– Я не хочу, Марк!

– Чего ты не хочешь? – он всё-таки разворачивает меня, притягивает, впивается взглядом.

Я вижу, как горит огонь в его янтарных глазах. Почему-то сейчас они кажутся мне такими.

Молчу, сцепив зубы.

– Аля...

Сердце колошматит так, что страшно, вот-вот накроет приступ паники, сжимает, давит. Напряжение растёт. Словно между нами проходит термоядерная реакция. Сейчас весь мир вокруг – в клочья.

– Алька...

Его лоб к моему лбу. Он близко. Только не поцелуй, пожалуйста! Не вынесу, не могу!

«Любовь не проходит так быстро».

Да, чёрт побери, да! Она не прошла! Потому что если бы прошла, мне было бы всё равно! Было бы плевать на него, на его прикосновения. На то, что он устроил на вечере. Плевать на то, что ему тоже хорошо «прилетело» от этого Набокова – глаз наливаются черным, и губа... они успели слегка подпортить друг другу «фейсы», пока охранники подросли. Мне было бы плевать.

А у меня сердце разрывается от боли, потому что я не понимаю – за что? За что он так со мной поступил? Ведь всё было так хорошо! Так красиво!

И свадьба. И первая брачная ночь...

Опять меня душат воспоминания. Душат, потому что разница между «тогда» и «сейчас» огромна. Потому что тогда был рай. Сейчас же я в аду бесконечном и беспросветном.

Почему? Почему? За что?

За то, что я глупая, неопытная, пугающаяся, смущённая,

стыдливая? Но ведь он сам меня выбрал такую? Сам говорил, как ему хорошо!

– Ты невероятная, Аленький... не зажимайся, раскрой мне себя, дай посмотреть, дай насладиться... С ума схожу, умираю от жажды. Нужна мне. Как воздух. Дышать не могу без тебя.

А я без него не могла! И старалась делать всё, что просил. И раскрывалась, и боль терпела, и слушала, мечтая доставить удовольствие.

Быть его. Стать его. Навсегда. Только его! Чтобы он один. Никого больше, никогда!

У меня – никого. Да.

А вот у него...

Не отпускает. Марк не отпускает. Боль не отпускает. Поселилась внутри, как у себя дома.

Он прижимает меня к груди всю дорогу, а я едва могу дышать. Аромат его с трудом выношу. Просто потому что боюсь сломаться.

Сломаться и послать всё к чёрту. Простить.

Можно ли это простить? Когда твою душу выворачивают наизнанку, в грязи топчут?

В доме я хочу сбежать, быстро сбрасываю туфли, юбку длинную придерживая.

– Аля, стой. Подожди.

– Я устала. Мне плохо.

– Мне тоже плохо. Очень плохо, Аль. Подожди, послушай.

Игнорирую, продолжая идти вперед. Господи, почему этот холл такой длинный!

Марк успевает схватить за руку до того, как я ступаю на лестницу.

– Аля, остановись!

– Не хочу, оставь меня!

– Да остановись ты!

Молча выдираюсь из объятий, в которые он меня пытается притянуть, челюсти зло сжимаю, в носу щиплет, слезы уже катятся...

– Чёрт! Аля! Да помоги же ты мне! – он не говорит, орёт! Внезапно в таком отчаянии! – Помоги! Неужели ты не видишь! Я уже не знаю, что делать! Я запутался! Я уже в край запутался! Тупик! Не могу больше! Помоги! Подскажи! Ну как мне быть? Да что мне сделать, чтобы ты простила? Я, черт возьми, люблю тебя!

Он держит меня за плечи, заставляя голову поднять, смотреть на него. А я не вижу – слезы застилают.

– Аля... что мне делать?

– Отпусти меня. Совсем отпусти. Пожалуйста. Я не могу, Марк... не могу.

– И я не могу. Не могу отпустить, слышишь? Я сдохну без тебя!

– А я с тобой...

Говорю тихо, еле слышно. И это правда. Не могу рядом с ним. Мне так больно, словно меня постоянно в кислоту, в

огонь. Задыхаюсь. Потому что каждую секунду тут я вспоминаю о том, как было хорошо.

И о том, что любовь, правда, так не проходит.

А я хочу, чтобы она прошла! Так хочу!

Глава 22

Он выпускает меня, нет, не так... Просто опускает руки и голову. Говорит хрипло:

– Прости, Аля... Я... Я на самом деле не знаю, что делать, если ты уйдешь. Мне будет проще умереть, наверное.

Слишком громкие слова.

Мне нечего ответить. Точнее, есть что, но я даже не знаю, как это выговорить.

– Аля... я дико облажался. Я думал... не знаю, о чем думал. Понимаешь, ты... ты невинная, чистая, и... мне всё время казалось, что я тебе сделаю больно...

Не выдерживаю. Меня несёт, меня взрывают мои мысли, с ума сводят! Не могу держать это в себе.

– И поэтому ты просто решил меня убить разом, да? Боже, Марк! – меня всю трясет, кажется, кожа – как оголенный провод, стоит дотронуться – получишь смертельный разряд.

– Аля...

Выставляю руку вперед. Запрет на сближение. Нет. Ни за что. Нет. Слезы катятся, но я их не чувствую. Смотрю на него, говорю просто уже не в силах молчать. Не в силах слушать его.

– Мне не было с тобой больно! Марк! Только... в самый первый раз! И то... Потом это было чудесно! И мне всегда было хорошо!

Я не лгу, не лгу! Мне казалось, я самая счастливая! Я считала, что и он тоже. Получается, Марк врал? Каждый раз занимаясь со мной любовью – врал?

Я так старалась, я... мне казалось, что его всё устраивает!

– Если тебе было со мной плохо, почему ты не сказал? Почему предпочёл окунуть меня, нас, наш брак, нашу любовь в эту грязь?

– Мне было хорошо, Аля... Я же пытаюсь объяснить, пытаюсь... Я люблю тебя.

– Ты... ты просто не знаешь, что такое любовь. Если бы ты любил меня, ты бы... ты... Никогда не пошёл бы на это! Никогда!

– Аля...

– Не трогай, пожалуйста. Не надо. Не подходи... если тебе так нужна женщина – вперед! Иди! Выбирай любую! Сегодня там их были десятки. Тех, кто с удовольствием...

– Аля, я прошу тебя...

– А я прошу тебя! Давай просто закончим. Я дико устала. Завтра я с утра поеду к бабушке. Если... если ты мне запретишь я... я всё равно вырвусь, ясно? Устрою наводнение, пожар... что угодно.

– Водитель тебя отвезет. Охрана поедет с тобой.

– Это ради бога. Да, и еще... Марк. Развод. Я буду добиваться развода. И лучше тебе мне уступить.

– Нет. Аля. Я не могу. Пожалуйста. Ты ведь тоже говорила, что любишь меня? Разве любовь проходит так быстро?

Он повторяет слова бабушки. И смотрит на меня. Внимательно. Изучая.

Это он у меня спрашивает о любви? Он?

– Она не проходит, Марк. Её убивают. Контрольным выстрелом в сердце.

Разворачиваюсь и ухожу. Не видеть, не слышать, не говорить.

Погружаясь в ванну с солью, пытаюсь расслабиться. Беременным не рекомендованы горячие ванны, но я делаю теплую. Мне надо. Мне вообще надо думать о ребёнке. Это мой малыш или малышка. Я хочу его. Хочу, чтобы он родился. Поэтому надо вести себя осторожнее.

И пытаться решить вопрос с разводом. И с тем, как бы спрятаться подальше от Марка.

«У вас удивительные ладони, невероятно красивые пальцы. Такие пальцы нельзя забыть...»

Не знаю, почему в памяти всплывают эти слова и лицо этого человека. Владимир Набоков. Я почти ничего о нём не знаю, но уверена, что-то его связывает с моим мужем. Что-то не очень хорошее.

Нет, конечно, у меня и в мыслях нет как-то использовать этого Набокова. Да и как я могу? Просто вспомнила, как он держал мою руку. И его синие глаза.

Могла бы я быть с другим мужчиной после всего? И нужно ли мне это?

Мне надо думать о себе и о ребёнке.

Утром быстро завтракаю и еду в клинику. Все спокойно. Никто меня не удерживает. Но охранник заходит со мной.

Впрочем, Товий Сергеевич оставляет его в холле отделения, а нас с бабушкой спокойно выводит через свой кабинет в другое крыло.

У меня мелькает мысль – я могла бы так и уйти! Прямо сейчас! Сбежать!

– И куда, Аля? И на что ты будешь жить? И где прятаться? Твой Златопольский не дурак, он тебя быстро найдет.

– И что делать, ба? Предлагаешь забить на всё и дальше жить с ним? Ты так и не рассказала, о чём вы говорили...

– Расскажу после УЗИ. Я не предлагаю забить. Я предлагаю включить голову. Я просчитываю варианты. Ты же не хочешь, чтобы он тебя поймал и запер? У тебя будет только один шанс уйти, Аля. Только один шанс.

Да. И этот шанс я использую по полной программе.

Глава 23

– Вот, мамочка, посмотрите на своего малыша... – врач-узист улыбается, а я смотрю удивленно. Я думала, что на экране будет просто точка, не знаю, какой-то сгусток, пятно. Но я отчетливо вижу очертания.

Доктор рассказывает, что происходит с плодом на этом сроке, какие у него размеры, что он уже умеет делать. Боже! Он уже что-то делает! Вернее... она.

Моя малышка! Почему-то я уверена, что будет девочка. Хочу маленькую дочурку. Мне кажется, с девочкой мне будет гораздо проще, когда я уйду от Марка.

Уйду...

Еще каких-то десять дней назад, даже меньше, я мечтала, как расскажу ему о своем положении. Как он обрадуется. Как мы вместе пойдем на приём к врачу. Я представляла, как во время УЗИ он будет сидеть рядом, смотреть на экран, а потом на меня. Счастливый, с улыбкой, может, со слезами на глазах.

Я просто насмотрелась сопливых мелодрам.

В жизни, оказывается, всё иначе.

Пока ты носишь его ребёнка, он развлекается с какими-то...

Ненавистные слёзы...

– А вот нервничать вам совсем нельзя. Вы сейчас подума-

ли о чём-то плохом, и сразу у малыша сердцебиение усилилось, он беспокоится.

– Она... пусть будет она.

– Пока еще непонятно, кто. Но если вы хотите узнать, то...

– Нет, я просто... вы сказали, сердцебиение? А я могу... послушать?

– Конечно...

Тук, тук, тук, тук, тук... Так громко и так быстро!

Это самый лучший звук, который я слышала в жизни.

Сердце моей девочки.

Снова слёзы, но на этот раз от счастья! Моя кроха! У неё будет все самое лучшее! Самое-самое! И она будет счастливой...

Врач выписывает мне витамины, подробно рассказывает о том, как я должна питаться, что нужно чаще гулять.

– И никаких стрессов. Вы меня поняли?

Неужели? Разве так бывает?

Доктор смотрит серьёзно.

– Знаете, в каком-то фильме было... герой вот так руку поднимал, а потом опускал резко и говорил – ну и... чёрт с ним. Вам руку поднимать не надо, а вот фразу запомните. Ну или можете говорить – бог с ним. Смысл один. Наплюйте на всё. Вот вообще на всё. Думайте только о себе и ребёнке.

Прекрасный совет на самом деле.

Мы возвращаемся в палату бабушки, охранник, провожающий нас от кабинета главврача, даже не подозревает, где

мы были и что делали.

У меня дрожат руки, бабушка замечает это, берет мои ладони в свои.

– Тебе действительно надо успокоиться. Вот прямо сейчас бери себя в руки, если хочешь, чтобы с твоим малышом все было в порядке.

Я не понимаю, как мне это сделать. Сказать – очень просто.

– Я хочу. Не получается. Я... не могу. Там, в этом доме... Не могу.

– Если бы можно было тебя сюда положить. Но как? Сыграть нервный срыв?

– А если Марк поймет? Он не дурак.

– Я бы так не сказала...

– О чём вы с ним говорили?

– О том, как сильно он тебя любит, – бабушка смотрит на меня, словно изучает, сканирует, хочет понять, что для меня эти слова. А они для меня – боль. Только боль.

– Если он так сильно любит, зачем же он?

Снова чувствую подступающую к глазам влагу. Нельзя плакать, нельзя.

– Успокойся, твоей вины тут точно нет, а он... вляпался по полной и запутался. Он поступил как полный... чудак, конечно. И проучить его точно нужно.

– Проучить? Я хочу с ним развестись! Мне... меня тошнит рядом с ним, ненавижу!

– Как это всё знакомо. Ладно, если хочешь не видеть – я это устрою. Главное, не переживай. Всё получится. Мне только нужно немного времени, чтобы всё подготовить. А ты пока... Пока держись.

– Я не могу. Не смогу долго. У меня нет сил, я не могу его видеть больше... Я... я...

– Добрый вечер. Скоро Новый год, Аля, желания должны исполняться. Не можешь меня видеть – избавлю тебя от себя, правда, ненадолго. Мне срочно нужно уехать. Командировка. Я хотел полететь с тобой, но вижу, что лучше тебе остаться.

Марк выглядит усталым и измученным. Мне его совсем не жаль. Ненавижу.

И...

Боже, ну почему всё так? Почему? Как же мне хочется, чтобы ничего не было! Чтобы я сейчас могла подбежать к нему, прыгнуть в объятия, рассказать о малыше, показать фото первого УЗИ, видеть его счастливые глаза, чувствовать ласку, нежность, вкус поцелуев, слышать сбивчивый горячий шепот признаний.

– Люблю, Аленький, так сильно люблю...

Неужели это всё? Неужели больше никогда не будет?

Если бы я знала, что желания на самом деле исполняются! Вот только потом, когда это случается, ты понимаешь: они не были самыми заветными.

Думаю об этом, когда мёрзну одна на пустой продувае-

мой всеми ветрами остановке, и понимаю, что у меня получилось...

Глава 24

Отпусти её, отпусти, отпусти...

Ты же понимаешь, что это правильно! Хотя бы сейчас. Когда ты...

Когда ты проиграл. Просрал свою жизнь, в унитаз спустил.

Да-да, Златопольский, только ты... Больше никто.

Виноватых искать бесполезно. Бесполезно искать оправдания.

Ты проиграл. Опять.

Нет, можно сказать, что это твой первый крупный проигрыш, что таких эпичных провалов в твоей жизни еще не было. Но ты же знаешь, что это не так?

Разговаривать с самим собой не лучшая идея. Психотерапевт наверняка быстро поставил бы мне диагноз.

Плевать.

Сижу в кабинете, листаю ленту фото в галерее. Аля, Алька, Аленький. Она, везде она, только она.

Моя девочка. Маленькая, сладкая моя девочка, в которую я провалился сразу.

Охренел. Сам себе не верил. Сначала думал – ерунда, я просто маюсь дурью. Просто хочется чего-то... другого.

Чистого, невинного, непорочного.

Я ведь и не поверил сначала, не «проинтуичил». Просто

вокруг давно не было ничего настоящего. Игра. Игра, чтобы получить куш. Маски, притворство, куклы.

Поэтому и решил, что вот это чудо в мокром насквозь сарафане – тоже тщательно разыгранное представление. Она ведь не могла не понимать, что стоит почти обнаженная, что там все насквозь видно? До белья и дальше? Эти острые вишенки, которые хотелось проглотить. Вообще всю её хотелось, прямо там...

И подбородок дрожащий, и взгляд потерянный, когда эта тупая овца хостес пыталась её под ливень выставить. Впрочем, почему тупая? Хостес своё дело знала. И тоже наверняка не поверила, посчитала, что девчонка играет на публику. А публика в ресторане как на подбор, с миллионными и миллиардными счетами, прожжёнными циничными взглядами. И таких вот юных, отчаянных, желающих повисить социальный статус, найти «папика», продать невинность подороже – видали.

Я тоже видал немало и не вёлся. Просто сразу обозначал рамки отношений. Я готов был платить – не проблема, но только на моих условиях.

С этой насквозь промокшей под дождём девушкой было сразу понятно – на тех условиях, к которым я привык – не будет. Да и будет ли вообще?

Она... она была... То, что она другая, я понял довольно быстро. Думал, разоблачу её притворство, а в итоге...

В итоге пропал.

Сам не мог понять, чем взяла, зацепила. Захотел разобратсья.

Разобрался...

Аленький... На хрена ты пошла в этот гребанный ресторан? Нет... чёрт... на хрена я туда пошёл? На хрена я вообще все вот это творил?

Кому и что хотел доказать? Себе? Пытался доказать, что остался свободным? Что могу делать, что хочу, с кем хочу, как хочу? Зачем? Если хотелось только её, только с ней? Только в ней был смысл...

А теперь адова чёрная дыра внутри. Выжженная. Мёртвая. Жжёт проклятым холодом. Пустотой.

– Я хочу развод.

Глава 25

Развод. Как просто, да?

Взять и разорвать всё. Как будто и не было.

Самое мерзкое, что я её прекрасно понимаю.

Теперь, когда вот это все произошло, я... я не понимаю себя.

Не понимаю, что за дичь я натворил и зачем?

Я ведь отдавал себе отчёт, когда собрался жениться, насколько мы разные?

Аля, Валя, Валентина... Чудесная, чистая девочка. Воспитанная, умная, интеллигентная.

Ни разу не похожа на тех женщин, с которыми я общался в последние годы. Много лет.

Наверное, последней нормальной девушкой была... Не важно. Вспоминать о ней не хотелось совсем. Была нормальной. А что с ней в итоге сделал я? Или не только я? Набоков и сам виноват. Это он, в конце концов, бросил Крис...

Когда я увидел Волда рядом с Алей на этом вечере – крышу унесло. Я бы ему не только по морде съездил. Размазал бы. Раскатал.

Сволочь. Прекрасно знал, когда и как подойти.

Ну, больше не подойдет. Не допущу.

Чёрт... как же хреново-то. Как сложно всё! Зачем?

Захотелось в чистое нырнуть, зарыться, забыться... Влю-

биться.

Не смейся себя-то, Марк! Какая любовь? Это не любовь. Это твой поганый эгоизм. Жадность. Похоть. Самые страшные грехи.

Хотел же её осквернить? Хотел.

Еще тогда в ресторане, в первые мгновения. Еще не понимая ничего о ней. Первым делом подумал – сколько предложить? Разово? Или сразу содержание? Хату, тачку, бабки. Неделя, месяц, полгода.

Я ведь даже намекал! Да почти в лоб сказал! Она не поняла!

И тоже тогда решил – играет? Ну играет же? Не может быть такой наивняк! Не в Москве начала двадцатых! Не в ресторане с Мишленовскими звездами. Не так...

Оказалось – может.

И... ведь охренел! И показалось – как будто в чистый родник окунаешься с головой. И пьешь. И вода эта такая сладкая, невероятная. Пьешь её и не можешь напиться, потому что так хорошо!

Поэтому сразу мысль при осознании – присвоить. Забрать себе. Закрывать. Спрятать.

Посадить в золотую клетку. Только моя. МОЯ!

Не дай бог хоть одна сво... потянет поганые лапы!

Да уж... а сам-то? Сам-то потянул...

Потому что такому, как я, нельзя было чистое.

Это как... как в той притче или сказке, когда могуще-

ственному колдуну дали выпить простой воды, а он умер, потому что вода растворила все яды, которые были у него внутри.

Так и во мне её чистота растворяла всё самое мерзкое. И оно наружу рвалось.

Марк, Марк... Столько красивых слов! Вместо того, чтобы сказать правду.

Она слишком хороша для тебя. А ты слишком скот для неё.

Именно так.

Что ты там пытался плести ей про то, что она чистая, невинная, я тебе надо было... Надо было в грязи изваляться. Как же без этого.

Все строил из себя такого свободного. Не зависимого ни от кого и ни от чего. А сам... Признаться себе боишься, что тупо пошёл на поводу у тех уродов, которые тебя окружают.

И не хрен врать про свободу. Никакой свободы, как оказалось, нет.

Это не свобода – решить, что ты можешь и дальше жить так, как будто тебя никто и ничто не держит, не связывает.

Свободой было бы признать, что ты можешь и хочешь оставаться верным одной женщине.

А ты не смог. Хотя и хотел.

И вот итог.

– Я хочу развод.

А если я тогда не хочу жить? Тебе плевать?

И ведь я сам понимаю, что она права. И так и должно быть. Но ни хрена не легче от этих мыслей.

– Подумай, Марк... Конечно, вряд ли ты меня послушаешь, но для тебя же лучше сейчас её отпустить, – бабушка Али, выслушав мои дурацкие откровения, более чем категорична. – Ты же сам это знаешь?

Знаю.

Но тем не менее... Я не готов. Не могу. Просто не могу.

Глава 26

Не могу, не могу... Но ведь должен?

Если я еще в принципе хоть как-то претендую на звание мужчины, должен?

После всего, что сотворил с ней...

Дьявол... как же я мог? Что за бес в меня вселился?

Увидел её там, в этом мерзком заведении, и сначала был... нет, не шок, не ужас... Злость была. Ярость.

Какого хрена она ввалилась на мою территорию? Какого... Что она тут забыла, моя чистая, непорочная, идеальная женушка? Неужели она не понимает, что это место не для таких, как она? Ей сюда нельзя!

Потому что могут испачкать. Даже взгляды тех, которые вокруг, могут испачкать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.